

Анна Шнайдер

ДРАКОНИЙ ИНСТИНКТ

Анна Шнайдер

Драконий инстинкт

<https://litres.ru/74204064>

Аннотация

Однотомник.

Король Ортрун хочет выдать свою дочь, принцессу Корнелию, замуж за Себастьяна, наследника престола Эрдерии, а затем, дождавшись, когда она забеременеет, убить его.

Себастьян хочет вывести его на чистую воду и заставить навсегда отказаться от своих планов.

Но у Корнелии тоже есть планы... И с планами её отца и жениха они совсем не совпадают.

Кто кого переиграет?

История Себастьяна, брата главного героя в "Драконьем цветке". Можно читать отдельно.

Традиционно у меня - ругать героев можно любыми словами, но переход на личности других читателей и автора запрещён)

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Жених	7
Глава вторая. Невеста	26
Глава третья. Брат	52
Глава четвёртая. Рюдзин	68
Глава пятая. Пешка и ферзь	97
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пролог

— Отличные новости, Корнелия!

Отец ворвался в мою комнату, как обычно громко распахнув дверь, — не человек, а снежный вихрь. Сильный, резкий и такой же безжалостный.

Я прекрасно знала, что при необходимости он принесёт в жертву и меня. Собственно, уже принёс, не пожалел. Единственный, кого всегда было жаль королю Ортруну Первому, — это его старший сын и мой брат, наследник престола принц Гейр. И то, мне кажется, только потому что Гейр — почти полная отцовская копия, что внешне, что по характеру. Такая же беспринципная, но улыбчивая сволочь.

— Я слушаю, отец, — откликнулась я смиренно, не поднимая головы от вышивания. Ненавижу вышивание, но оно всегда помогало мне сосредоточиться. Кроме того, девушка, занимающаяся рукоделием, чаще всего производит впечатление дурочки, особенно если она сидит с благодушным лицом и принцесса, как я.

— Сегодня утром я получил вестник от нашего посла в Эрдерии, — продолжал отец, усаживаясь за стол напротив меня. Я по-прежнему вышивала, стараясь не показывать, как замерло моё сердце.

Отец мечтал занять трон Эрдерии. Арнарийского ему было мало, он желал покорить ближайших соседей и объеди-

нить королевства. Эрдерия, будучи почти в три раза больше Арнарии и, соответственно, богаче, была лакомым кусочком. Возможно, слишком большим для короля Ортруна — не подавиться бы.

Однако пока всё шло вполне успешно, наследные принцы соседей заглатывали наживку одну за другой и действовали ровно так, как и планировал отец.

И я была бы не против — пусть его величество развлекается за чужой счёт и делает что хочет, — если бы в своих планах он не собирался использовать меня.

— Да, ты правильно поняла, моя крошка, — расхохотался Ортрун и, перегнувшись через стол, потрепал меня по щеке. — Рейгард потерял крылья и теперь не может претендовать на престол! Себастьян наш! Точнее, твой. И он обещал приехать в Арнарию на праздник первоцветов!

Ужасные новости. Просто кошмарные, по правде говоря.

Я так надеялась, что у отца ничего не выйдет и я буду избавлена хотя бы от этой проблемы! Его высочество Себастьян в мои планы никак не вписывался. У меня и без него достаточно противников — переиграть Ортруна и Гейра будет непросто, первый советник тоже добавит проблем, однако я знала, чего ожидать от них. А вот эрдерийского принца я видела лишь пару раз в жизни и понятия не имела, на что он способен.

Как говорила мама: «Лучше знакомое зло, чем незнакомое», и только теперь я по-настоящему поняла, что она име-

ла в виду. Себастьян был для меня незнакомым злом... А в добро, кстати, я вовсе давно не верила.

— Посмотри на меня, крошка, — произнёс отец, и его голос завибрировал от хорошо известной мне магии внушения. Я послушно подняла глаза и сфокусировалась на носу короля, привычно приоткрывая рот и делая глуповатое лицо. — Ты будешь с ним мила и ласкова. Помни, Корнелия: ты хочешь его, очень сильно хочешь. — Низ живота после этих слов сразу скрутило желанием. — Ты будешь добиваться Себастьяна и провоцировать его на совместный полёт. Ты хочешь забеременеть от него. Да, Корнелия?

— Да, отец, — эхом повторила я, не моргая.

— Повтори.

Я послушно повторила, и король, напоследок ещё раз потрепав меня по щеке, будто послушную собачку, вышел из покоев, оставив меня одну.

Я посмотрела ему вслед, зажмурилась и почти неслышно пробормотала:

— Гореть тебе в Вечном Пламени, твоё величество!

Вытащила иглу из вышивания и что было силы воткнула её в безымянный палец.

*

Дорогие читатели, добро пожаловать в историю Себастьяна! Кто верит в мои авторские возможности - ставьте, пожалуйста, звёздочки (не тут, а справа от аннотации). Покормите муза :)

Глава первая. Жених

Лия

Три месяца спустя

В зеркале отражалась такая красавица, что аж глазам было больно. Моим, разумеется, — остальные присутствующие в комнате громко охали и восхищённо вздыхали, любясь на результаты своих многочасовых трудов.

— Красивее вас в королевстве нет, ваше высочество! — заявила Симия, моя старшая камеристка. Остальные горничные её безоговорочно слушались и смотрели ей в рот. Я тоже старалась смотреть именно туда, но мне периодически мешал это делать внушительный бюст Сими, который порой был словно везде и колыбался перед моим носом, как желе на тарелке. — Вы прекрасны! Не зря в газетах вас называют Солнечной Феей.

О да, Солнечная Фея, как я могла забыть. Прозвище, которое придумал Гейр, и оно замечательно отозвалось и газетчикам, и народу. Не знаю уж, по какой причине, но я на самом деле была популярна и у драконов, и у обычных людей. Точнее, не я, а Солнечная Фея.

— Спасибо, Симия, — откликнулась я тонким голоском. Он у меня в принципе звонкий и прозрачный, но я умела усиливать это впечатление невесомости. Самой мне каза-

лось, что так я выгляжу ещё глупее, чем обычно, но добиться своего получалось проще. — Вы мастерица.

— Его высочество Себастьян оценит, — выдохнула одна из служанок, умилительно складывая ладошки на груди, и я едва уловимо кивнула — конечно, сложно не оценить подобное непотребство. Я никогда так не одевалась, и теперь мне каждую секунду хотелось набросить на плечи шаль, а ещё лучше надеть зимнее пальто — и неважно, что на дворе тёплый март.

Платье было сшито из тончайшей полупрозрачной ткани молочно-белого оттенка и оттеняло мою кожу так, что она казалась на самом деле полной солнечного света. Ткань шла петлёй через шею, вызывая ассоциацию с ошейником, намёком покрывала холмики острых грудей, толком не скрывая очертания сосков — если приглядеться, даже был виден их цвет, — а затем спускалось вниз, к ногам. Но стоило мне шевельнуться, как выяснялось, что у юбки с двух сторон разрезы почти до талии. Про спину молчу — естественно, она была голой до самого копчика.

Спасало только то, что король Ортрун велел распустить мои волосы, а они длиной до пят. Золотые, густые, выющиеся — чистейшее золото, как писали в газетах. Глаза — вечное небо, губы — алые розы, румянец на щеках — словно расцветные лучи солнца, руки — гибкие ивовые ветви, талия — как у прекраснейшей из скрипок. Уверена, половину эпитетов я забыла, но суть та же.

Всё это не раз зачитывал мне Гейр, хохоча и напутывая мои волосы себе на руку, словно вожжи или поводок.

Да, я утешала себя тем, что смогу закрыться собственной шевелюрой. И, пожалуй, волосы были сейчас единственным, что мне по-настоящему нравилось в зеркале, потому что только они и были настоящими. И живые цветы, вплетённые в причёску, смотрелись завораживающе.

К сожалению, цветы были необычными, но знали об этом немногие. Симия знала, поэтому зорко следила за тем, чтобы ко мне не приближались мужчины, даже гвардейцы. Отец выращивал эти цветочки несколько лет — белые и кажущиеся невинными, на самом деле они, распространяя вокруг себя сладковатый запах, вызывали вполне определённые желания.

Да, отцу было необходимо заставить Себастьяна испытывать ко мне эти желания, но я не собиралась мириться. Главное — чтобы Симия и остальные служанки сейчас оставили меня одну...

— Ваше высочество, ваш жених уже прибыл, — сказала Симия, заискивающе улыбаясь. — Вы готовы, так что можем идти.

— Оставьте меня на минуту, пожалуйста, — попросила я тем самым хрустальным голоском. — Я хочу помолиться Вечному Пламени. Сегодня очень важный день для меня... Я волнуюсь...

— Да, конечно, конечно, — тут же закивала камеристка

и шикнула на остальных служанок: — Пойдёмте, девочки! Оставим её высочество на пять минут.

Пять минут! Больше мне и не надо.

Дождавшись, пока все слуги выйдут, я метнулась к комоду, где хранила материалы для вышивания и прочего рукоделья. Распахнула нижний ящик, достала оттуда то, что старательно готовила всю последнюю неделю — с тех пор, как узнала о планах отца использовать цветы филии, — и подошла к зеркалу.

Несколько ловких движений — и все до единого цветки были сорваны, а на их месте оказались те, что я сшила сама из ткани. Я закрепила их, стараясь, чтобы всё выглядело так же, как и раньше, а затем побрызгала духами, которые стащила из парфюмерной королевы Амелии, жены моего отца. Третьей по счёту жены. Она любила разные туалетные воды и даже создавала их сама, создала и этот запах, напоминающий аромат филий, — спасибо ей за это.

Оставалось убрать улики, и я, завернув цветы в бумагу, запихнула свёрток обратно в комод.

Почти тут же дверь открылась, в комнату вновь зашла Симия, и я встретила её привычно благодушно-наивной улыбкой, с помощью которой давно убеждала всех окружающих в том, что ничего не понимаю в происходящем.

Что взять с Солнечной Феи? Её удел — подчиняться, слушаться и наслаждаться своим положением.

Но и то, и другое, и третье у меня всегда плохо получа-

лось.

Его высочество Себастьяна я впервые увидела, когда мне было семь, а ему двенадцать. Он приезжал вместе с отцом и старшим братом на праздник, который в Арнарии называют Равноденствием, а в Эрдерии Днём середины года — в этот день варят хмельной напиток пунш из разных ягод, пьют его и много пляшут. Но все развлечения для взрослых, а меня привели в дворцовый парк просто так, быстро показать гостям — и сразу отправить в свою комнату.

Себастьян был выше меня почти на голову, и на его затылке забавно топорщилась одна прядь, поднимаясь вверх, как гребень у петуха. Это всё, что я помню о нём, — нам в тот день так и не довелось поговорить. Хотя нет, вру — я хорошо запомнила цвет его волос. В отличие от моих — светло-золотых, — у Себастьяна они серебристые.

В следующий раз я виделась с ним почти год назад — через некоторое время после того, как мне исполнилось семнадцать и по нашим законам я стала совершеннолетней, что означало возможность заключения помолвки, чем мой отец и воспользовался.

В Арнарии, в отличие от Эрдерии, приняты договорные браки. Не знаю, насколько это эффективно, — не мне судить. Но многие считают, что чем сильнее драконы, вступающие в брак, тем более сильным будет их потомство. История имеет примеры, подтверждающие эту теорию, но и опровергающие

её тоже имеются. Вроде как считается, что я её опровергаю — моя мать была сильной драконицей, а я родилась слабенькой. Я с этим утверждением не согласна, но своё мнение не афиширую — себе дороже. Всегда полезно, когда тебя недооценивают. Если бы мачеха знала, сколько всего я умыкнула из её покоев, она бы наверняка защитила их получше, но, пока она уверена, что я — глупая фея, она этого не делает.

В общем, король Ортрун заключил с Себастьяном договор о помолвке. Моего мнения никто не спрашивал, но даже если бы спросил — я не могла выдать себя и сказать, что эрдерийский принц мне нужен примерно так же, как блохи в волосах. О нет, я никогда не возражала. Возражающие обычно имеют свою волю, а Ортрун и особенно Гейр должны быть убеждены, что у меня её нет.

Себастьян незадолго до помолвки лишился невесты, и мне было его немного жаль, тем более что он и не подозревал, как много усилий потратил мой отец, проворачивая эту авантюру. В итоге несчастная девушка и один молодой дракон уверились в том, что любят друг друга, она объявила об этом Себастьяну — и путь был расчищен. Наследного принца пригласили во дворец, король предложил ему жениться на мне и при помощи ментальной магии продавил согласие.

Я не верила, что Себастьян ни о чём не догадается впоследствии. В тот день отец застал его врасплох, ещё и в нестабильном эмоциональном состоянии. Я была уверена: когда принц опомнится, он потребует расторжения помолв-

ки, плюнув на политические последствия. Отец готовил рычаги давления в том случае, если это всё же случится — но Себастьян ничего подобного не сделал. Более того, согласился приехать в Арнарию на праздник первоцветов и подтвердить брачные намерения. Звучало это ужасно, но на деле речь шла об обычном общении — на протяжении двух недель мы с Себастьяном должны узнавать друг друга лучше и пройти специальный ритуал, который позволил бы готовиться к свадьбе. Отец уже предвкушал свадебную церемонию и даже приказал королеве Амелии начинать работу над эскизом моего платья, которое должно затмить красотой все прочие свадебные платья арнарийских принцесс.

Я прекрасно понимала, что обязана совершить побег в этот период. После свадьбы где бы я ни была — Себастьян найдёт меня благодаря пресловутому драконьему инстинкту. Сейчас это могли сделать лишь отец и брат — точнее, они так думали, но я-то знала, что у них ничего не выйдет.

Осталось только хорошенько подготовиться. Дождаться отъезда Себастьяна — и бежать.

Я мечтала об этом с тех пор, как умерла мама, и не собиралась позволять никому нарушать мои планы. Даже эрдерийскому принцу, будь он неладен!

Себастьян

— Не нравится мне всё это, — пол-утра бормотал Дарел

аль Кастилио, глава личной службы безопасности наследного принца. — Любишь ты рисковать, Ян...

— Я ведь тысячу раз объяснял — Ортрун не станет меня убивать, — возвёл глаза к потолку Себастьян, перебирая напоследок бумаги на столе. Он собирался переноситься в Арнарию на две недели — значит, надо закончить дела. Конечно, пока его не будет, всем займётся Рейгард, но в эффективности Себастьян сомневался — у его брата сейчас были другие интересы, вовсе не государственные. Аделина, жена Рейгарда, недавно забеременела и теперь ловила все прелести вынашивания маленького дракончика. Первая беременность, по её словам, проходила гораздо легче.

— Убивать не будет, — проворчал Дарел. — Но тебя всеми силами будут очаровывать, чтобы ты скорее женился на принцессе Корнелии.

— Это безусловно. Однако повлиять на меня ментально теперь невозможно, мы с Линой сделали отличный амулет, я тебе говорил. Зря волнуешься.

— А зелья, травы в чай подходящие...

— У всего этого слабый эффект, — отмахнулся Себастьян. — Приворот эффективен лишь ментальный, остальное — так, драконам на смех.

— Ты очень самонадеян, — покачал головой Дарел. — И зря. Ортрун — хитрый жук, хотя скорее даже змея, ядовитая и очень опасная. Он уже переиграл тебя, и не единожды. Из-за него ты потерял Эмилию...

Себастьян поморщился — он не любил вспоминать бывшую невесту, и не только потому, что никому не может быть приятно думать о том, как его провели вокруг пальца. Даже придумав вместе с братом и его женой способ снятия ментального влияния королевской семьи аль Анарио, Себастьян не стал убирать это влияние с Эмили. Представил, что она будет чувствовать, когда поймёт, что её влюблённость в нынешнего мужа наведённая, и решил оставить всё как есть. Тем более что вмешательство в состояние бывшей невесты не может пройти незамеченным для Ортруна. А Себастьян хотел, чтобы арнарийский король как можно дольше думал, что жених его дочери ни о чём не догадывается.

— ...И из-за него Рейгард лишился крыльев и больше не может претендовать на престол, — продолжал Дарел. — А ты, вместо того, чтобы использовать имеющиеся у тебя доказательства против семейства аль Анарио, решил поиграть в поддавки. До сих пор удивляюсь, как тебе это позволил его величество Кариот.

Отец Себастьяна на самом деле был не в восторге, однако и он, и королева считали, что их сыновья уже выросли и сами вольны принимать решения. Впрочем, было и другое рассуждение.

— Если честно, я думаю, отказ от помолвки не поможет, а лишь усугубит ситуацию, — сказал однажды его величество. — Ортрун не отступится. Если бы он потерпел неудачу сразу — это одно, но долгое время его планы в точности испол-

нялись. Подобное развращает. Сейчас, когда он уже почти у цели, Ортрун от своих грандиозных замыслов не откажется, что бы ни случилось. И лучше хотя бы примерно представлять, что произойдёт дальше, чем пускать всё на самотёк.

Себастьян был согласен с отцом. Что придёт в голову Ортруну в случае разрыва помолвки — одному Пламени известно. В настоящее время его планы на будущее были понятны — женить Себастьяна на Корнелии, дожидаться её беременности, а лучше даже рождения сильного дракона, и убить мешающего зятя. Таким образом Корнелия станет регентом при будущем короле. Амбициозно и вполне осуществимо — хотя бы в этом Дарел прав.

Однако во время последнего отбора, на котором королевская семья аль Эрдерио искала Рейгарду жену, а заодно и способ снять проклятье, полученное старшим наследником пять лет назад по воле Ортруна, Себастьян всё больше думал о том, что принцесса Корнелия тоже может быть пешкой в большой игре короля соседней страны. Зачаровывать собственную дочь, чтобы добиться цели, — что может быть циничнее?

По крайней мере, Себастьян надеялся, что наивная и милая мышка Корнелия ни при чём — иначе будет обидно и её отправлять вслед за отцом.

Конечно, то, что говорил Дарел, имело определённый смысл — Себастьян не был дураком и понимал, что опасе-

ния друга и безопасника справедливы. И тем не менее не собирался отказываться от планов. Он уже рискнул с проклятием Рейгарда и выиграл — возможно, ему повезёт ещё раз?

— Собирай гвардейцев и остальное сопровождение, — приказал наследник, поднимаясь из-за стола. — Я обещал Ортруну прибыть к двум часам дня. У нас почти четыре, в Арнарии скоро будет два. Пора переноситься к соседям.

— Переодеваться не будешь? — поинтересовался Дарел, оглядывая совсем не праздничную одежду Себастьяна. — Ты в этом обычно работаешь. Для приёмов не очень подходит.

— А сегодня будет и не приём, а обед в кругу семьи. Забавно, правда? Интересно, почему Ортрун захотел именно так. Большой приём в мою честь завтра, а сегодня «тихий семейный день», как он написал в письме.

— Не нравится мне всё это... — произнёс Дарел, и Себастьян засмеялся.

— Я уже это слышал, дружище.

Проходя мимо зеркала, наследник на мгновение остановился и оглядел себя. Тёмно-синие брюки, чёрные сапоги, в тон брюкам камзол с ненавязчивой вышивкой серебряной нитью, которая поблёскивала при движении. Широкий пояс из светло-серой ткани, тоже с вышивкой, подчёркивал талию, белая рубашка почти кокетливо выглядывала из-под застёгнутого на все пуговицы камзола — и Себастьян, посмотрев на одну из этих пуговиц, улыбнулся, неожиданно вспо-

нив, как впервые увидел принцессу Корнелию.

Они с отцом и Рейгардом тогда прибыли в Арнарию на праздник Дня середины года — летнее торжество, когда чувствуются все времена года, благословение на будущее. Себастьян тогда сбежал от брата и гувернёра и спрятался в саду на дереве, захватив с собой интереснейшую книгу про приключения морских пиратов — мифических разбойников, которых никто никогда не видел, но истории про них были популярны у детей, — и как раз собирался расположиться на широкой и толстой ветви поудобнее, когда ближайшая балконная дверь распахнулась и на узкий витой балкончик вышла маленькая девочка.

Она была столь красива, что Себастьян чуть не свалился с дерева. Открыл рот и глупо распахнул глаза, глядя на чудное видение. Он бы не удивился, если бы у этой девочки в те мгновения возникли крылья за спиной, как у бабочки или феи, — настолько она была похожа на волшебное существо из легенд. Светлая кожа, словно светящаяся изнутри, скульптурные черты лица, большие ярко-синие глаза, но самое главное — волосы! Распущенные и цветом напоминающие солнце, они мягкими волнами спадали почти до пят.

«Мне кажется, наверное, — подумал Себастьян, быстро моргая. — Не бывает таких прекрасных девчонок!»

Но потом видение тихонько засвистело, и принц понял, что девочка настоящая, не фея — разве же феи свистят?

Между тем незнакомка протянула руку, и на ладонь ей

сел... чёрный ворон, что было ещё удивительнее, чем волосы девочки. Самая капризная, но и самая умная из птиц, считавшаяся неприручаемой.

— Стащила тебе с кухни, — шёпотом сказала златовласка. — Отличное пшено! Ешь скорее, пока меня не хватились.

Ворон проворно работал клювом, девочка глядела на него с умилением, а Себастьян с восхищением глядел на неё. Надо же — приручила чёрного ворона! И как у неё это получилось?

Птица доела и, по-видимому решив, что зерна было маловато, клюнула девочку куда-то в грудь.

— Ай! — засмеялась златовласка. — Перестань, Рюдзин! А то оторвёшь пуговицу, как в прошлый раз, и гувернантка меня больше одну не оставит. Всё, лети!

Девочка взмахнула рукой, и ворон, громко каркнув, на самом деле улетел. Незнакомка улыбнулась, подобрала юбку небесно-голубого платья и юркнула обратно в помещение.

Тем же вечером Себастьян узнал, что видел на балконе принцессу Корнелию, семилетнюю дочь короля Ортруна, год назад потерявшую мать. Хотел к ней подойти, но его кто-то отвлёк, а затем девочку увели, и больше Себастьян с ней не встречался.

Оказавшись в королевском дворце Арнарии — драконы всех королевств традиционно называют такие дворцы Логовом, — спустя много лет, наследник глазам не поверил, увидев вместо живой и непосредственной девочки боязливую

глуповатую куколку. Да, очень красивую и по-прежнему златовласку, но тем не менее — принцесса Корнелия показалась Себастьяну другим человеком в их вторую встречу.

Поэтому он предполагал, что король Ортрун влияет в том числе и на свою дочь, а значит, её необходимо вернуть.

Десять гвардейцев, камердинер и Дарел, который играл роль личного секретаря Себастьяна, — вот и вся компания для визита к соседям. И то наследник думал сократить гвардию хотя бы вдвое, но Дарел настоял именно на таком составе, заявив, что на безопасности не экономят.

— Надо было тебе служанку взять хотя бы одну, — пошутил аль Кастилио, когда весь их отряд двигался к портальной комнате, чтобы отправиться в Арнарию. — А то сугубо мужской коллектив, скучно.

— В таком случае нужно было брать двенадцать служанок — по одной на каждого из вас, — пошутил Себастьян, хмыкнув. — За единственную вы же передерётесь.

— Трое гвардейцев и камердинер женаты, так что...

— Тогда восемь. Но тоже многовато. Мне за глаза хватит одной Корнелии. Уверен, Ортрун будет предпринимать что-нибудь, дабы мы с ней поскорее оказались в одной постели. Интересно, что именно.

— Мне совсем неинтересно, — скептически пробормотал Дарел — тот ещё зануда, педант и перестраховщик, но именно это пару раз спасало Себастьяна от необдуманных поступ-

ков, которые имели бы серьёзные последствия. Например, именно благодаря Дарелу наследник, поняв, что у него увели невесту при помощи ментальной магии, не полетел бить клыкастую морду Ортруну — наплевав на доказательства. Точнее, на их полнейшее отсутствие.

По ту сторону портала делегацию уже ждали. Сам король, королева, наследный принц Геир, которого Себастьян всегда терпеть не мог и считал самым скользким и гнусным из всего семейства аль Анарио, и первый советник Ортруна — Кайд аль Ламио. Высоченный, длинный, смуглый и остроносый, он напоминал Себастьяну ворона. Впрочем, настоящие вороны намного милее — Кайд же всегда казался наследнику драконом себе на уме. Но Ортруну служил верно, а ещё, по слухам, был влюблён в Корнелию. Однако рассказывающий эту сплетню Дарел честно признался, что в принцессу влюблено полстраны, и не факт, что это имеет значение.

Но, может, и имеет.

— Добро пожаловать, ваше высочество, — с широкой улыбкой воскликнул Ортрун. В отличие от своего черноволосого советника, не менее высокий Ортрун был похож на льва, и даже грива имелась — густые светлые волосы до лопаток обрамляли лицо, будто лепестки у подсолнуха, а подбородок был скрыт бородой до груди. — Мы вас очень ждали! Особенно Корнелия. Она только о вас и говорит в последние дни.

Поймав скептический взгляд Кайда аль Ламио, направ-

ленный на короля, Себастьян мысленно усмехнулся — видимо, Ортрун безбожно врал, и советник это прекрасно знал.

— У неё такое платье! — восторженно выдохнула королева Амелия, третья жена Ортруна, так и не подарившая ему ни одного ребёнка, высокая рыжеволосая женщина с зелёными глазами. — Я сама делала эскиз, а главный портной шил. Сейчас увидите! Вы ведь голодны?

— Здравствуйте, ваши величества, — чуть склонил голову Себастьян. — Да, по правде говоря, я почти не завтракал. И Корнелию буду рад видеть, тем более в платье. Хотя мне всегда больше нравилось, как выглядят девушки вовсе без одежды.

На мгновение в портальной комнате повисла тишина, а затем Ортрун громогласно расхохотался, запрокинув голову, — аж слёзы из глаз брызнули.

— Ну вы и хохмач, ваше высочество! — заявил король, когда остальные тоже начали смеяться. Все, кроме Кайда — тот выглядел так, будто проглотил лимон. — Не стоит спешить, — он погрозил Себастьяну пальцем. — Впрочем, если вы уговорите Корнелию... Совет вам, как говорится, да любовь!

И он снова громко расхохотался.

Лия

Отец всегда любил размах. Поэтому первый обед с при-

бывшим из Эрдерии Себастьяном был запланирован в главном приёмном зале — самом большом помещении в Логове нашей семьи. Огромное пространство, длинный стол посередине, который при необходимости убирался, помост с вычурными тронами, громоздкие люстры под потолком, пылающие драконьим огнём — традиционно в замках драконов было именно такое освещение, призванное показать остальным величие крылатых магов, — на стенах картины с монументальными сюжетами про небо, войны и изобилие, а ещё, конечно же, живая музыка. Музыкантов отец отбирал сам — никому не доверял столь важное занятие.

Короля я заметила издалека — его золотые, как и у меня, волосы, шапкой обрамляющие голову, было сложно не увидеть. Да и росту он высокого, я гораздо ниже, для драконицы я даже считаюсь маленькой. Какого роста Себастьян, я уже не помнила, поскольку в тот раз, когда он приезжал, я на всякий случай его почти не рассматривала.

Зато сейчас, двигаясь с конца коридора к двери в приёмный зал, деревянной и резной, в три человеческих роста — чтобы при необходимости и дракон пролез, — я смотрела на своего жениха, помня о том, что отец приказал не опускать взгляд. Это было некстати — я предпочитала почти не смотреть в глаза, — но послушаться не могла. Тогда отец поймёт, что я сохранила собственную волю, и мне придётся туго.

Себастьян напоминал мне острый клинок из чистейшего серебра. Ниже Ортруна, но тоже высокий, стройный и жили-

стый, с идеальной осанкой, короткими серебристыми волосами — вихор в области затылка до сих пор наличествовал, — он показался мне, как и в прошлый раз, не менее опасным, чем остальные драконы. Узнав, на что я способна, он почти наверняка запросто меня уничтожит.

По крайней мере, его взгляд был убийственным — он одновременно резал меня, колот и обжигал, подобно горячему мечу, заточенному в огне.

— А вот и наша Корнелия, — сладким голосом произнёс отец, когда я дошла до него и остальных, стоящих возле двери в зал драконов. Идти и не отводить взгляд оказалось для меня настоящим испытанием, но я справилась. — Как вам, Себастьян? Я ведь могу вас так называть? По-родственному, так сказать.

— Конечно. Её высочество прекрасна, — сказал наследник эрдерийского престола негромко, а затем взял меня за руку, перевернул ладонь — и прижался губами к запястью.

Я вздрогнула от неожиданности из-за странного тягучего ощущения, возникшего внизу живота. С одной стороны, оно было похоже на желание, которое я, благодаря манипуляциям отца, уже пару раз чувствовала, но с другой...

Нет, что-то гораздо сильнее. И более жадное.

— Не смущайте девочку, Себастьян, — проворковала мачеха, сверкнув довольством в изумрудных глазах. Она полностью поддерживала план своего мужа и тоже надеялась вскоре стать королевой Эрдерии. Куда они собираются деть

нынешних короля и королеву, родителей Себастьяна, я не представляла — отец и мачеха не обсуждали при мне эту тему. Хотя я подозреваю, что они сами ещё до конца не реши-ли. — Видите, как покраснела.

Да, щекам и вправду было жарко, но это не удивительно — никто так не целовал меня раньше. Однако реакция Себастьяна не радовала и навевала грустные мысли о том, что он по-прежнему не догадывается о заговоре. Не подозревает, что давно является шахматной фигурой на доске моего отца.

— Я очень рад вновь вас видеть, Корнелия, — ласково произнёс его высочество и подставил мне локоть. — Составите мне компанию по пути к столу?

— И я рада видеть вас, — пролепетала я и облизнула пересохшие губы. Себастьян проводил этот жест огненным взглядом, и я окончательно осознала, что он и вправду меня хочет.

Видимо, я всё-таки умудрилась оставить в причёске настоящую фелицию — иначе подобное никак не объяснить...

Глава вторая. Невеста

Себастьян

Наследник отлично помнил, что принцесса Корнелия — красавица из красавиц, но в прошлый раз он, страдая из-за разрыва с Эмилией, почти её не рассматривал. Зато теперь Корнелия предстала перед ним во всей красе. Даже захотелось обойти её со всех сторон, дабы убедиться — сзади она не менее прекрасна, чем спереди.

Королева Амелия не зря хвалила платье, хотя принцессу во что ни одень, хоть в половую тряпку, — всё равно получится красавица. Но подобное одеяние, конечно, вызывало определённый эффект. Спокойно смотреть на девушку с идеальной фигурой, чья идеальность отлично просматривалась сквозь полупрозрачную, какую-то невесомую ткань, — испытание даже для нервов Себастьяна. Очень тянуло сделать две вещи: либо прикрыть Корнелию от взглядов окружающих, либо потрогать её. А можно и то и другое — сначала прикрыть, а потом потрогать.

Особенное внимание привлекала грудь девушки. Издалека Себастьяну даже показалось, что его невеста одета только в юбку, — настолько прозрачной и плотно прилегающей к телу была ткань платья, — и он глазам своим не поверил. Ортрун, конечно, тот ещё сумасброд, но не до такой степе-

ни, чтобы позволять принцессе разгуливать по коридорам дворца полуголой! Впрочем, разница с тем, что в итоге оказалось надето на Корнелии, была невелика. И выступающие холмики, округлые, идеальной формы, увенчанные острыми розовыми пиками, хорошо просматривались сквозь ткань. Это было на грани приличий и очень эротично, причём безо всякого дополнительного эффекта — по крайней мере, Себастьян не почувствовал на Корнелии ничего, что говорило бы о попытке повлиять на него при помощи запахов. Он ожидал, что они будут, но нет. Видимо, Ортрун полагал, что эрдерийский принц клюнет на его дочь и без дополнительных ухищрений, и оказался недалеко от истины.

А распущенные золотые волосы почти до самых пят! Блестящие, колдовские, с вплетёнными живыми белыми цветами — причём подобные цветы Себастьян видел впервые в жизни, — они завораживали, но главное — отвлекали внимание от наряда Корнелии. Она даже закрывалась ими, будто шалью, перебросив со спины на грудь и заставив первого советника издать судорожный вздох, из-за которого Себастьян сразу перестал сомневаться в его истинных чувствах к принцессе.

Впрочем, глядя на Корнелию, Кайда аль Ламио было сложно осуждать.

Принцесса положила руку на сгиб локтя Себастьяна, и от этого прикосновения — мягкого и почти невесомого, робкого — по телу побежала взволнованная дрожь. Да, будет

обидно, если эта девушка, настолько привлекательная физически, окажется замешанной в заговоре...

— Очень красивые цветы вплетены в ваши волосы, принцесса, — сказал Себастьян, шагая по просторному залу самым первым — даже король Ортрун пристроился сзади, провожая почётного гостя. — Я таких не видел раньше. Как они называются?

— Филиции, ваше высочество, — негромко ответила Корнелия. Голос у неё был не менее красивый, чем всё остальное, — нежный, он буквально ласкал слух. А из-за того, что девушка почти постоянно говорила вполсилы, он и вовсе казался чарующим, неземным. — Так их назвал мой отец. Он сам вырастил эти цветы. Скрестил фильи и что-то ещё... Простите, забыла название. Но вы всегда можете уточнить у его величества.

— Уточнять у вас гораздо приятнее, — сахарным тоном сказал Себастьян, и Корнелия вновь облизнула губы. Этот жест ещё в прошлый раз подействовал на наследника, словно зов драконицы во время поисков дракона, и сейчас эффект был не меньшим. — Вы хотите пить, принцесса?

— Не отказалась бы от воды или сока. — Корнелия отчего-то на мгновение запнулась, а затем произнесла, будто бы смутившись: — Или от вина. Отец специально для вас приготовил лучшее коллекционное вино из нашего погреба...

Себастьян наклонился к уху Корнелии и прошептал:

— Готов поспорить: оно менее сладкое, чем ваши губы.

А затем выпрямился, любуясь, как щёки принцессы медленно заливаются краской, отчего девушка стала ещё прекраснее.

Лия

Тысячу гарнов этому принцу в печень!

Я была готова закричать. Идиот! Его ведут к столу как жертвенную овцу на заклятие во времена безбожья, а он флиртует вместо того, чтобы задуматься: меня сватают ему слишком навязчиво. Это платье — ну неужели не навело его на мысль? Даже Гейр тарашился на меня, как дракон на кусок свежего мяса, что уж говорить об остальных. Разве можно так одевать принцессу?

Первый же обед камерный — чтобы позволить нам с Себастьяном лучше узнать друг друга, — и коллекционное вино из погреба! Кто открывает такое вино на обычный обед?! Хорошо, не совсем обычный — наследник эрдерийского престола прибыл в Логово семейства аль Анарио, повод есть, но не настолько важный, чтобы вместо хорошего вина открывать исключительное. Не свадьба ведь!

В общем, двигаясь к началу длинного обеденного стола под руку с Себастьяном, я сделала следующий вывод.

Либо эрдериец самодовольный дурак, и в таком случае мне будет несложно его обмануть, играя обычную роль девочки-ромашки, либо...

Либо он сам играет роль дурачка. Только зачем это ему нужно? Хочет поймать моего отца с поличным? Я бы фыркнула, если бы это не разрушало образ. Ну, пусть пытается. С интересом поспежу за битвой двух змей. Какая окажется ядовитей?

Несмотря на то, что мне был бы выгоднее первый вариант с Себастьяном-дурачком, я всё-таки надеялась на второй. Натерпевшись от отца за восемнадцать лет жизни, я никому не желала подобного короля, особенно такой большой стране, как Эрдерия. Отец не говорил мне этого, но я уверена — захватив соседей, он захочет подмять под себя ещё какое-нибудь королевство. А если будет воодушевлён победой, то его ничто не остановит.

Мы наконец прошли обеденный стол и расселись в его начале — там, где стояли троны для короля и королевы, а также самые почётные места — кресла, обитые кожей и расшитые драгоценными камнями. Во главе стола сели отец и мачеха, по левую руку от Ортруна опустился Гейр, рядом с ним — первый советник. Мы с Себастьяном сели справа от Амелии, причём принц галантно отодвинул для меня кресло, а затем и придвинул его.

Сразу после этого из боковой двери, предназначавшейся для слуг, шагнули лакеи с подносами, и перед нами начали появляться свежайшие блюда. Меню составляла лично мачеха, обсуждала она его при мне, поэтому я прекрасно знала, что Себастьяна собираются поразить местной кухней. Не

знаю, как он относится к равилям — я их терпеть не могла. Варёное тесто, а внутри варёное мясо с луком и специями, фу! Но в Арнарии подобная еда была популярна и готовилась в разных вариантах, что мачеха и собралась демонстрировать.

Первым подали салат с запечёнными на углях равилями и овощами. Я выклевала оттуда все овощи, делая вид, что пью вино — на деле же я набирала напиток в рот и аккуратно выплёвывала в бокал с водой, поднося его к губам. Бокалы были непрозрачные, золотого цвета — традиционного для Арнарии, — и слуги никогда не наполняли их до краёв — это меня и спасало. Пить мне противопоказано — могу потерять концентрацию, а этого я допустить не должна.

За столом разговаривали преимущественно Себастьян, мачеха, отец и Гейр, обсуждая торговлю, новые законы у соседей, брак наследника ледяных драконов, устроивших свадьбу с размахом пару месяцев назад, и даже арнарийскую моду. Я слушала всё, о чём они говорили, но молчала — до тех пор, пока эрдериец, заглянув в мою тарелку с супом, не увидел, что я съела бульон, но оставила на дне горку равилей.

— Принцесса, что же вы не едите? — удивился Себастьян. — Неужели не любите? Национальное арнарийское блюдо, как-никак.

Ну кто, кто тянул его за язык?! Ну зачем?! Я так надеялась, что в этот раз отец ничего не заметит!

— Корнелия, ешь, — ласково произнёс король Ортрун, и

со стороны казалось, что он меня просто попросил. Увы, это было не так — и вместе с просьбой ко мне прилетела сильнейшая ментальная магия, заставившая смиренно схватиться за ложку.

— Да, папа, — откликнулась я максимально дружелюбным тоном и отправила в рот первую равилю. Меня чуть не стошнило, и я постаралась побыстрее, не жуя, проглотить эту гадость, надеясь, что она не встанет у меня в горле комом, как в прошлый раз. Запить-то нечем. Даже бульон из супа я съела.

Себастьян только приехал, но я его уже ненавижу!

Себастьян

За последнее время наследнику ни разу не становилось настолько неловко, как в этом случае, когда он всего лишь хотел поговорить с принцессой о её вкусах, но, кажется, спровоцировал Ортруна на применение ментальной магии. Естественно, она никак не ощущалась — в этом, судя по всему, был уникальный дар королевской семьи аль Анарио, — однако Себастьян не сомневался: влияние было. Иначе почему принцесса только теперь съела эти варёные маленькие колобочки из теста и мяса, а до этого складывала их на дне тарелки? И ела бы она с удовольствием, а не как сейчас — с отрешённым видом, который был бы целиком смиренно-равнодушным, если бы не чрезмерная бледность Корнелии.

Себастьян не сомневался: девушку тошнило.

— Позвольте, я подолью вам ещё вина, — сказал он, решив исправить ситуацию, потянулся к кувшину, оставленному слугами посреди стола, и толкнул ладонью бокал девушки. Тот упал, причём очень удачно — прямоком в тарелку с супом, и остатки вина брызнули на равили. — Ох, простите, принцесса...

Корнелия на мгновение опустила глаза, а затем, подняв голову, посмотрела на Себастьяна с такой искренней благодарностью, что принца даже в жар бросило.

— Ничего страшного, — прошептала она, но тут вмешался Ортрун.

— Эй, слуги! Принесите Корнелии другую тарелку с супом!

— Думаю, не нужно, — быстро произнёс Себастьян, погладив девушку по руке. Сначала он не понял, в чём дело, но спустя секунду осознал, что Корнелия держит ложку с такой силой, будто мечтает запустить её кому-нибудь в лоб. А ещё лучше — воткнуть в сердце, подобно ножу. — Она достаточно съела. Пусть несут второе. Да, дорогая невеста?

— Я во всём подчиняюсь вам, ваше высочество, — сказала Корнелия негромко, но с нежным придыханием, и вновь посмотрела на Себастьяна. Только теперь — с жаром, который мгновенно передался и ему.

— О как заговорила! — расхохотался Ортрун, и в его голосе было столько довольства, что Себастьян подумал: не

сделала ли принцесса такое замечание специально, чтобы отвлечь отца? — Ну, будь по-вашему. Слуги! Несите второе. Но чтобы всё съела! — Король погрозил дочери пальцем. — И так худая, не поймёшь, где душа держится.

Несмотря на то, что Себастьян уже не смотрел на Корнелию, он до сих пор ощущал жар, особенно возле сердца, — его не отпускал взгляд девушки. И чтобы справиться с этим жаром, наследник решил выпить воды, однако умудрился перепутать бокалы — что осознал только после того, как сделал глоток из бокала Корнелии.

Едва сдержав удивлённый взглас, Себастьян молча поставил бокал на стол и покосился на принцессу, которая сидела прямо, не шевелясь — будто гимнастический шест проглотила.

Любопытно. В воде был отчётливый привкус вина, а значит, принцесса делала вид, что пьёт, но не пила на самом деле. Тяжело ей придётся — на второе-то будет жаркое по-арнарийски — мясо, запечённое в тесте. Тоже разновидность равилий, только побольше размером.

Однако сильнее Себастьяна интересовало другое.

Если Корнелия не пьёт вино — значит, пить его Ортрун не приказывал? Или принцесса способна сопротивляться влиянию? Хотя бы в мелочах?

Пока рано было делать выводы, поэтому Себастьян, кивнув слуге, который принёс ему тарелку со вторым блюдом, вновь нагнул над ухом принцессы и прошептал:

— Пей из моего бокала. Если что, скажешь: перепутала. И поймал ещё один благодарный взгляд.

Лия

За то, что эрдериец не выдал меня отцу, я была готова его расцеловать. И простила в итоге тот вопрос, из-за которого король обратил внимание на мою тарелку. В конце концов, Себастьян же не мог знать, что у Ортруна пунктик: я должна есть всё, что дают, а если не ем — он сделает так, чтобы съела.

Я должна подчиняться — и никак иначе. Давно научившись сбрасывать влияние отцовской магии, я тем не менее никогда не выдавала себя, понимая — послушаться я смогу лишь один раз: в день побега. Это мой козырь, который следует приберечь напоследок.

Поэтому, если понадобится, я даже лягу с Себастьяном в постель — только вот беременеть не стану. Когда драконы находятся в первой ипостаси, это вполне возможно. Главное — избегать совместного полёта. Вот в этом случае беременности не избежать, как ни старайся. Со временем пары учатся преодолевать влияние драконьего инстинкта, но всё равно близость во второй ипостаси — гарантированная беременность.

Мне повезло: на второе было жаркое, которое я вряд ли проглотила бы, если бы не бокал с водой Себастьяна. Он

великодушно разрешил пить из него, и я воспользовалась этим, наконец нормально пообедав.

А потом вынесли торт, и тут уж и мачеха, и повара старались на славу — поскольку традиционный арнарийский торт-безе был великолепен. Он выглядел как огромная снежная гора — до тех пор, пока мой отец не дыхнул на него огнём, благодаря которому безе покрылось хрустящей карамельной корочкой. Местами она треснула, и сквозь эти трещины проросли съедобные сладкие выюнки, чьи семена всегда просыпаются, если соприкасаются с драконьим огнём. Очень эффектно — гостям всегда нравилось.

Однако Себастьян торт лишь попробовал, весь кусок есть не стал, и я почувствовала в нём родственную душу — мне этот сладкий кошмар никогда не нравился. Больше всего на свете я любила обычные ягоды, но ни отец, ни мачеха, ни Гейр подобными лакомствами не увлекались, поэтому я порой летала в одиночестве в ближайший лес. Обьедалась там земляникой и счастливая летела обратно.

Пока мы обедали, оркестр играл живую медленную музыку, но, как только Себастьян отодвинул от себя тарелку с недоеденным тортом, случилось то, без чего мой отец, конечно же, не мог обойтись.

— А теперь, я думаю, вам следует узнать, на каком сокровище вы собираетесь жениться, Себастьян, — сказал король, ухмыляясь, и махнул рукой музыкантам, чтобы те перестали играть. — У Корнелии золотые не только волосы. Ещё у неё

золотой голос.

— Да? — улыбнулся эрдериец. — Значит, напечатанные в газетах легенды не врут, называя принцессу не только феей, но и канарейкой?

— Канарейкой, — фыркнул отец. — Вы когда-нибудь слышали, как поют канарейки? Их можно слушать только заткнув уши. Моя дочь — прекрасный золотой соловей, и не меньше! Корнелия, прошу тебя.

Просит он, как же.

Увы, это была не просьба, а приказ. Я медленно поднялась из-за стола, нацепив на лицо привычную благодушную улыбку, и отправилась к группе музыкантов, стоявших на сцене. Она располагалась в левом углу зала — полукруглый помост, предназначенный именно для оркестра, — и при помощи магии то, что там происходило, передавалось по всему периметру помещения.

Я села на свободный стул, который явно поставили для меня, — деревянный, с высокой, обитой голубой тканью спинкой, — и взяла в руки гитару. А затем, попробовав струны, заиграла одну из своих любимых песен.

Отец не поймёт, о чём она на самом деле. Подумаешь! Мало ли, что поёт Корнелия? Главное — чтобы пела. Голос у меня и вправду чарующий. Гейр, когда не может заснуть, всегда зовёт меня — чтобы пела ему, — и обязательно засыпает.

Песня была о свободе. О вольном ветре в лицо, о глубо-

кой синеве неба, о море, уходящем в даль за горизонт, об облаках и дожде. Она называлась «Полёт дракона», и каждый из присутствующих, скорее всего, слышал в словах этой песни обычное описание привычного с детства явления, — я же осознавала совсем иное. Я никогда не была способна поступать так, как поступал дракон из этой песни — на своё усмотрение. Захотел — и полетел. Всегда была вынуждена оглядываться, просчитывать всё до мелочей и быть осторожной. А мне так хотелось не оглядываться! Не зависеть ни от кого, не притворяться. Быть собой...

Но ничего. Осталось совсем немного. Схрон я почти подготовила, документы обещали на следующей неделе. Дождусь, когда Себастьян уберётся из столицы, — и сбегу.

Спрятав торжествующий взгляд в гитарных струнах, я в последний раз ударила по ним и наконец замолчала.

Себастьян

Пока принцесса пела, наследник, чувствуя, что ещё немного — и он глупо раскроет рот и закапает слюнями на стол, пытался справиться с собой.

Может, Корнелия всё-таки унаследовала ментальный дар Ортруна? И сейчас ненавязчиво влияет на присутствующих — вон как на неё смотрят все, не только Себастьян. Даже королева Амелия — и та явно была умилена и сидела с влажными глазами. Посмотришь и прям поверишь в любящую

мачеху.

А вдруг Корнелия вовсе не наивная жертва внушения, а такой же участник заговора, как и сам Ортрун, и её брат? До сегодняшнего дня Себастьян не сомневался — жертва. Но сейчас, слушая её чарующий нежный голос, подумал — а ведь он решил так лишь из-за той давней встречи, когда Корнелия кормила ворона. Но с тех пор прошло одиннадцать лет. Глупо рассчитывать, что за это время люди не меняются. И прежде чем активно действовать, следует всё-таки понять правду про Корнелию. Но как понять, по собственному почину она поступает или её зачаровал Ортрун? Непростая задача.

Принцесса перестала петь и играть — и на мгновение в зале повисла полнейшая тишина, которая почти сразу сменилась аплодисментами. Причём аплодировали в том числе музыканты, глядя на Корнелию с восхищением. Она слабо улыбнулась, поднялась с кресла, склонила голову, благодаря за внимание, а затем направилась к столу.

Себастьян встал ей навстречу и протянул руку, внимательно наблюдая за отрешённым и добродушным лицом Корнелии. Она вложила в его руку свою ладонь, не колеблясь, и он поинтересовался, притягивая девушку ближе к себе:

— Где же вы научились так петь и играть, ваше высочество?

— Можете называть меня по имени, — ответила Корне-

лия, настолько глупо улыбнувшись, что у Себастьяна просто взвыла интуиция от огромного количества противоречий в поведении девушки за сегодняшний день. — Я училась во дворце. Отец не позволял мне ходить в школу.

— Ещё бы я это позволил! — раздался за их спинами ворчливый голос Ортруна. — Ты слаба и как маг, и как дракон. Уж простите, Себастьян, что я так говорю, но это ни для кого не секрет. Я боюсь за дочь, поэтому держу её поближе к себе. Отпущу, когда вы на ней женитесь и пообещаете мне хранить её и беречь.

Себастьян, продолжая рассматривать улыбку Корнелии, которая словно застыла на лице принцессы, поднял ладонь девушки и вновь, как при встрече, поцеловал запястье, не разрывая взглядов.

Корнелия, которая тоже смотрела на наследника, чуть приоткрыла рот, из-за чего стала выглядеть ещё глупее, а затем — ну что за проклятье! — облизнула губы.

Себастьян едва не зарычал, прерывая поцелуй. Неважно, что ему в Арнарии можно практически всё, — демонстрировать окружающим свою физическую реакцию тем не менее не хотелось.

— Думаю, вам пора отправляться на отдых, — между тем продолжал Ортрун, и его голос звучал почти торжествующе. Видимо, хитрый дракон не сомневался, что будет делать Себастьян, оказавшись в одной комнате с принцессой. — А Корнелия вас проводит. Да, крошка?

— Конечно, папа, — откликнулась девушка звонящим от восторга голосом, и Себастьян прищурился, изучая её. Ну же, ты и правда настолько хорошая актриса?..

Ни в глазах, ни в улыбке принцессы ничего не дрогнуло. И всё-таки, несмотря ни на что, Себастьян считал, что с придурковатостью Корнелия перебарщивает.

Лия

Как же он меня раздражал! Уставился, словно на картину в музее. Я понимала, почему он так пристально смотрит — подозревает, что я притворяюсь. Не может ведь девушка с таким безмятежно-дурацким видом выплёвывать вино в бокал. Ослушаться родителя? Исключено.

Я прокололась, но, как это исправить, не представляла. Единственный способ — продолжать гнуть прежнюю линию, надеясь, что Себастьяну просто надоест меня провоцировать и он сосредоточится на чём-нибудь другом. Кстати, хорошая идея... Надо его отвлечь, и судя по тому, что я периодически слышала от Гейра, — отвлечь можно вполне определённым образом.

Под ложечкой засосало. То ли это из-за съеденных рави-лей, которые всегда ложились в мой желудок кучей камней, то ли я просто волновалась. Притворяться покорной дурочкой — это одно, но соблазнять мужчин мне ещё не приходилось. Приходилось обратное — делать вид, что ничего не

понимаю, наёмки не воспринимаю. Первый советник отца пару раз пытался что-то такое мне сказать, но я прикинулась деревом — и он отстал. Смотреть с вожделением не перестал, но так на меня смотрят слишком многие. А Кайд аль Ламио дорожит отношениями с королём, поэтому его я не боялась. Он не стал бы рисковать своим положением, делая меня любовницей, уверена. А его попытки что-то объяснить были связаны скорее с желанием жениться, но кто ж ему позволит?

Выйдя из приёмного зала, я вздохнула свободнее — общество отца и старшего брата всегда меня угнетало. Как ни странно, но Себастьян, при всей своей неоднозначности, был сейчас предпочтительнее родственников. Хотя я даже не сомневалась, что Гейр, по своему обыкновению, зайдёт ко мне перед сном. Он не мог лечь спать, перед этим не помучив меня.

— У вас красивый дворец, Корнелия, — сказал эрдери-ец вполголоса, склоняясь над моим ухом. — И это логично. Прекрасная принцесса должна жить в прекрасном замке. Кстати... Помните «Легенды драконьего рода»? Самую первую легенду?

Вот хитрый жук.

— Конечно, ваше вы...

— Зовите меня Яном. А у вас нет короткого, домашнего имени?

Короткое имя у меня было. Более того — своё полное

имечко я ненавидела всеми фибрами души. Отец всегда приносил именно его, когда внушал мне что-либо. Хотя куда больше, чем это имя, я ненавидела слово «крошка».

Мама называла меня Лией. Но только она, больше никто.
— Нет. Все зовут меня Корнелией.

— Вам не идёт это имя, — удивил меня Себастьян. — Вам подошло бы что-то более нежное, воздушное... Возможно, Лия. Я могу называть вас так?

Мне хотелось отказать. Мамино имя... До сих пор никто не осквернял её память своим языком. Но я не могла рисковать — слишком многое было поставлено на карту.

— Конечно, ваше вы... То есть Ян. Вы вольны называть меня как угодно.

— Даже моей сладкой девочкой? — шепнул наследник мне на ухо, и я едва не поморщилась.

Провокатор. Вот только не на ту попал.

— Конечно.

— Ну что ж, — протянул Себастьян с явным удовольствием, — моя сладкая девочка Лия. Ты помнишь первую легенду драконьего рода? О том, как появились драконы?

Я понимала, к чему он клонит, — и, несмотря на то, что в этот миг наследник эрдерийского престола меня невероятно раздражал, не могла не восхищаться его находчивостью и ловкостью.

Он твёрдо решил вывести меня на чистую воду. И ради этого даже готов был рискнуть.

Правда, это работало только в том случае, если Себастьян на самом деле догадался о манипуляциях моего отца, в чём я была уже практически уверена.

— Я помню. Дракон-ящер украл принцессу, полюбил её и сделал ей ребёнка.

— Нескольких детей, если быть точными.

— Да. Нескольких детей. А от тех уже и пошёл весь драконий род.

— Меня в детстве очень интересовало, как это возможно анатомически, — хмыкнул Себастьян с такой лукавой физиономией, что я еле удержала рвущийся наружу смешок. — И когда я понял, что никак, был очень разочарован. Но сейчас не о том. Прекрасная принцесса, живущая в замке, у нас имеется. Я — дракон. Могу я тебя украсть? Полетаем вместе. Если ты стесняешься или боишься, можешь не обращаться.

Отличный ход.

Если я поддерживаю отца на самом деле, то ухвачусь за возможность забеременеть всеми лапами и даже хвостом. А если нет — откажусь.

Ирония была в том, что Себастьяну следовало бы избегать совместных полётов со мной. Это если он на самом деле догадывается. Если же нет... Ну, если Себастьян идиот, то ему уже ничего не поможет, но в это я всё-таки не верила.

Он догадался и провоцирует меня. Соглашусь — заодно с отцом. Откажусь — веду свою игру.

Что лучше ответить? Могу ли я позволить, чтобы Себастьян понял — я способна противиться воле Ортруна? Вино — это ерунда, можно предположить, что король не отдавал мне приказа пить его. Но приказ не летать с Себастьяном он отдать не мог.

Нет. Лучше пусть думает, что я наивная дурочка или такая же заговорщица, как мой отец, чем выдаст меня ему или вовсе решит помешать давно спланированному побегу.

— Конечно, Ян, — ответила я, ласково и беспечно улыбнувшись наследнику. — Я с радостью полетаю с тобой. Но завтра. Сегодня тебе лучше отдохнуть.

Сама не поняла, как умудрилась перейти на «ты». Видимо, несмотря на всю мою осторожность, Себастьян таки смог пробить мою броню.

— Договорились, — кивнул он, впрочем без особого энтузиазма. И посмотрел на меня с беспокойством.

Вот-вот, дорогой мой жених. Теперь решай эту проблему сам. Ты ведь не можешь позволить себе летать со мной. Значит, выкрутишься как-нибудь, что-нибудь придумаешь.

Такой находчивый принц обязательно найдёт выход из ситуации, которую сам же и создал.

Себастьян

Хитрая девчонка.

Наследник почти мог поклясться, что в тот момент, когда

Корнелия говорила: «Я с радостью летаю с тобой», в её глазах мелькнула насмешливость. Это выражение сразу исчезло, но тем не менее — насмешка всё-таки там проскользнула.

И Себастьян был уверен, что принцесса поняла его уловку. Но не купилась, переиграла его. Истинная дочь своего хитрющего папаши! Нет бы сразу отказаться, и этим дать понять наследнику, что она способна противиться приказам Ортруна. Но как же, держи карман шире — она согласилась! И теперь Себастьяну следовало срочно придумать, как избежать совместного полёта. Хорошо хоть Лия дала ему отсрочку до завтра. Пожалела, что ли?

Лия. Милое короткое имя. Оно и правда подходило принцессе больше, чем длинное и вычурное Корнелия. Точнее, оно подходило фее, воздушной и неземной, а вот как раз принцессу должны звать полным именем.

А ещё Себастьян почему-то не сомневался, что его спутницу так называла мама, а не Ортрун. В его уста милое «Лия» даже не ложилось.

— Вот и ваши покои, — с кроткой улыбкой сказала принцесса, останавливаясь перед широкими двустворчатыми дверьми, обитыми коврами. Это была национальная традиция арнарийцев — везде использовать ковры. Они у них не только лежат на полу, но и висят на стенах, и служат обивкой для дверей. Пёстрой, цветастой обивкой с различным рисунком. На дверях Себастьяна были ковры с орнаментом в

виде летящих сквозь огонь драконов, а по бокам — крупные алые пионы, будто пинты с кровью.

Красиво, но отчего-то жутковато.

— Остальные ваши сопровождающие находятся в соседних комнатах, — говорила Лия, указывая на двери справа и слева от покоев Себастьяна. — Все помещения смежные, так что вы можете общаться со своими спутниками, не выходя в коридор. Здесь круглосуточная охрана, и если что-то понадобится...

— Не беспокойтесь, Лия. Я не потеряюсь в чужом Логове. Зайдёте ко мне?

Она вновь облизнула губы, и Себастьян окончательно осознал — плевать ему на то, заодно принцесса с Ортруном или нет, он должен её поцеловать. И чем скорее, тем лучше.

Схватив девушку за руку даже до того, как она успела ответить, Себастьян открыл дверь и пропихнул в образовавшуюся щель Лию, а затем вошёл сам. Закрыл створку — из-за обивки она затворилась мягко и почти бесшумно, — а после прижал принцессу к этой же створке и, наклонившись, поцеловал мягкие губы.

Себастьяна тут же словно чем-то по голове ударило — она закружилась, и стало легко-легко, будто он не на полу стоял, а летел в воздухе навстречу солнцу. Душу захватил восторг, ладони сжались на талии девушки, которая не стояла неподвижно, а отвечала на поцелуй, запрокинув голову и обнимая Себастьяна за плечи, и хотелось, чтобы это безумие ни-

когда не кончалось...

Перебирая пальцами волосы Лии и наслаждаясь ощущением шелковистости, Себастьян выдёргивал из её причёски мешающие цветы и бросал их на пол. С каждым подобным движением принцесса вздрагивала и чуть постанывала — будто ей было приятно, что он так делает. Ей словно мешали и цветы, и шпильки, которыми они прикреплялись к волосам. А уж Себастьяну как они мешали! Даже не проведёшь толком рукой вдоль всей длины волос — обязательно на что-нибудь натыкаешься.

Но самое большое наслаждение он получил, когда, наконец избавив девушку от цветов, положил освободившуюся ладонь на её грудь и погладил острый холмик.

— Ах! — выдохнула Лия Себастьяну прямо в губы, выгибаясь и позволяя ему ласкать себя. Отодвинув тонкую ткань платья в сторону, наследник залез под неё пальцами, сжал нежную плоть... и чуть не выругался, услышав откуда-то сзади знакомое покашливание.

— К-хм... — Это был голос Дарела, и Себастьяну впервые в жизни захотелось придушить друга.

Лия

Я была готова провалиться сквозь землю.

Мы с принцем пару минут целовались у двери, он залез ладонью мне под лиф и ласкал грудь, когда в комнате вдруг

кто-то начал кашлять. Это что же, мы были не одни?!

— Ай! — взвизгнула я, перестав целовать Себастьяна, и спряталась за ним, слегка присев и лихорадочно пытаюсь поправить платье, но у меня плохо получалось — одна грудь всё время выпрыгивала наружу.

— Какого гарна ты делаешь в моих покоях, Дарел? — прошипел Ян, отворачиваясь от меня.

— Жду тебя, — ответил мужской голос, и звучал он, пожалуй, слегка смущённо. — Я... хм... не ожидал, честно говоря...

— Я сам не ожидал, — пробормотал принц, и я почувствовала дикую волну неловкости. Что вообще сейчас здесь было? Себастьян просто поцеловал меня, а я словно сразу взорвалась от нахлынувших чувств и вообще перестала мыслить адекватно. Стояла, целовала в ответ и искренне наслаждалась происходящим.

Вечное Пламя, какой кошмар! И это только первый день! Что же будет дальше?

Если бы я знала рецепт, который позволил бы мне сохранять рассудок в подобные моменты, я бы его использовала. Но я понятия не имела, что делать.

— Простите, ваше высочество, — сказала я вполне искренне, по-прежнему прячась за спину Себастьяна. — Я не представляла... Я никогда не целовалась и не думала...

Мужчина в комнате странно хмыкнул, а принц рыкнул, но не на меня:

— Дарел, заткнись! И выйди отсюда. Мне надо поговорить с Лией.

— Как скажешь, Ян, — пробормотал неведомый Дарел, которого я так и не увидела, раздались глухие шаги, стук открывшейся и следом закрывшейся двери — а затем Себастьян вновь повернулся ко мне и, взяв за руки, посмотрел в глаза.

— Не смей извиняться.

— Потому что принцессы не извиняются? — я криво улыбнулась, вспомнив известную фразу Гейра.

— Что?

— Так говорит Гейр, — пояснила со вздохом. — Только про себя. Принцы не извиняются. Мне кажется, что это глупость. Извиняются, если есть за что.

— Твой Гейр мне всегда не нравился, — поморщился Ян, и я хихикнула. Принц в ответ ласково посмотрел на меня, а затем погладил по щеке — и этот жест настолько напоминал любимое движение отца, которое тот всегда проделывал, зачаровывая меня, что я наконец включилась.

И вспомнила, где я и с кем. И что мне нельзя выдавать себя — тоже.

Не представляю, какой вывод из произошедшего сделает Себастьян — я вроде бы не говорила и не делала сейчас ничего странного или противоречивого, — но в любом случае надо брать себя в руки.

— Я пойду, — вздохнула я, потупившись и старательно

глядя принцу в область шеи. А там... Вечное Пламя, это что же, царапины? Я его расцарапала?! — Простите, кажется, я вас...

— Тебя, Лия, — ответил Себастьян и коснулся своей шеи. — Да, есть немного. Но это нормально для драконов. Тебе не рассказывали?

— Нет. Хотя я читала о таком в книгах.

— Понятно. Думаю, вскоре ты всё узнаешь на практике, — он, кажется, улыбался, но вполне по-доброму. — Иди, моя сладкая девочка.

Принц чмокнул меня в нос, и я, поняв, что ещё немного — и я не смогу больше сдерживаться, полезу зализывать его царапины — да, такое для драконов тоже нормально! — выскочила за дверь.

И только шагая вдоль по коридору — растрёпанная, зацелованная, с покосившимся лифом, — я осознала, что оставила на полу в комнате Себастьяна целую кучу улик.

Цветы...

Глава третья. Брат

Себастьян

— Дарел! — рывкнул наследник через несколько секунд после того, как принцесса вышла из его покоев. — Иди сюда, любитель подглядывать!

Дверь в соседнее помещение медленно открылась, и оттуда шагнул аль Кастилио, чья смуглая кожа сейчас казалась слегка припудренной румянцем, да и тёмные кудрявые волосы до плеч тоже будто слегка порыжели от смущения.

— Ян...

— Какого гарна ты сразу не дал о себе знать? — огрызнулся принц, подходя к столу возле окна. Налил себе воды из графина в бокал, сделал большой глоток и продолжил: — Ждал ещё чего-то... Пока мы тебя сами заметим, что ли?

— Нет. Не поверишь, я просто обалдел, — признался Дарел, тоже подходя к столу, и скрестил руки на груди. — За пять лет, что я у тебя работаю, впервые вижу подобное. Или ты решил плюнуть на планы Ортруна и жениться на Корнелии, даже если тебя потом убьют? Рейгард будет «в восторге», про короля с королевой я молчу.

Себастьян вздохнул, поставил бокал на стол и огляделся. Помещение оказалось похожим на комнату для отдыха или кабинет — диваны, книжные шкафы, журнальный стол

и большой обеденный возле окна, рядом с которым они с Дарелом сейчас и стояли, — и было оформлено в традиционные для Арнарии цвета. Шкафы тёмно-орехового оттенка с красным отливом, мебель вся — белая с золотым орнаментом, на полу ковёр песочного цвета, а шторы ярко-алые — и опять же с золотым орнаментом. Оставалось надеяться, что в спальне такого количества золота нет.

— Ты видел её? — ответил он Дарелу вопросом на вопрос. — Корнелия красива, и это ещё мягко сказано. Мне просто захотелось её поцеловать. Но да, ты прав — впредь нужно быть осторожнее. Особенно учитывая то, что я предложил ей вместе полетать и она согласилась.

— Что-о-о?! — едва не заорал аль Кастилио, поперхнувшись водой. Кашлянул, стукнул самого себя по спине и шокированно уточнил: — Что ты сделал?

— Погоди. Всё по порядку.

Себастьян за несколько минут рассказал начальнику службы безопасности то, что произошло за последние пару часов, пока он обедал вместе с королевской семейкой аль Анарию. И про свои подозрения насчёт Лии тоже поведал.

— Ну ты дал маху, конечно, — пробормотал Дарел, как только наследник закончил. — Рискнул, но риск не оправдался. И подозреваю, потому что принцесса заодно со своим папашей.

— А вино? Если она заодно, зачем его выплёвывать?

— Может, она просто не любит вино? А ты уже целую

легенду придумал, что Корнелия способна сопротивляться влиянию Ортруна. Ну проверь, что ли. Ты ведь тоже хороший ментальный маг.

— Представляю, что на подобные выкрутасы скажет Ортрун, — покачал головой Себастьян. — Моё-то влияние он сразу ощутит, и я сомневаюсь, что ему подобное понравится.

— Он тебя простит. Если хочет, чтобы ты женился на его дочери, — точно простит.

— Оставим на крайний случай, пока у меня нет желания проворачивать что-то такое по отношению к Корнелии, — признался Себастьян и, по своему обыкновению, начал ходить по комнате. Он делал так всегда, когда о чём-то напряжённо думал. Дурацкая привычка, которая многих раздражала. — Надо понять...

Принц запнулся — потому что как раз дошёл до небольшой кучки цветов, вытащенных из волос Лии. Белые бутоны со сладковатым запахом, который совсем не шёл принцессе, беззащитно валялись возле двери — там, где Себастьян их выдёргивал, — и он, не до конца понимая, зачем это делает, сел на корточки, протянул руку и взял один из цветков.

— Что ты делаешь, Ян?

— Сам не знаю... — протянул наследник, поднося ладонь ближе к лицу и рассматривая лежавший на ней цветок. Белый, нежный, трогательно красивый, однако... — Что-то не так с этими цветами...

— Что? — Дарел, взволновавшись, отошёл от стола и приблизился к Себастьяну, который встал с корточек, по-прежнему держа на ладони филицию — так, кажется, назывались эти цветы. Коснулся пальцем лепестка... и неожиданно сообразил.

— Это вообще не цветы, — удивлённо сказал принц и передал свою находку Дарелу. — Держи, потрогай.

Аль Кастилио послушно пощупал переданное — коснулся лепестков, тычинок, чашечки, ножки — и, нахмурившись, признался:

— Не понимаю, о чём ты. Вроде ничего особенного. Но я, признаться, не садовод.

— У цветов всегда холодные лепестки, — объяснил Себастьян. — Касаешься — и ощущаешь прохладу. А эти на ощупь вроде бы как обычные цветы, но совсем не прохладные. Мне кажется, они из ткани. Попробуй порвать один.

Дарел дёрнул филицию за противоположные лепестки — и вздрогнул, когда цветок порвался с треском.

— Точно, ткань...

— А ты говоришь — она просто не любит вино, — передразнил друга Себастьян, улыбнувшись. — Тут что-то гораздо интереснее. Постарайся узнать, что это за цветы такие — филиции. А принцессе мы ничего не скажем. Сделаем вид, что просто выбросили цветочки в мусор, да и всё.

— Вот всегда ты замечаешь то, на что я бы и вовсе внимания не обратил, — почти восхитился Дарел, сжимая в ладо-

ни то, что осталось от поддельного цветка. — Однако зачем это принцессе?

— Думаю, мы всё поймём, когда узнаем, в чём особенность этих филиций. Впрочем, я уже подозреваю в чём. — Себастьян хищно ухмыльнулся. — А значит... немного поиграю с ней завтра.

— С принцессой?

— Да, — наследник рассмеялся, — правда, ты будешь в ужасе. Слушай...

Лия

Вернувшись в свои покои, я буквально рухнула на постель, даже и не надеясь, что мне дадут хоть минуту покоя. И была права — практически сразу в спальню, не постучавшись — он никогда не стучался, — вошёл отец.

— Отлично, отлично, — пробормотал он довольным голосом, рассматривая меня с хитрым прищуром. Я, как только он вошёл, естественно, села на кровати и приняла смиренный вид. — Волосы растрёпаны, платье тоже в беспорядке... Не выдержал наш принц. Умница моя, — король потрепал меня по щеке. — А теперь ты покажешь мне все свои воспоминания...

И Ортрун привычно закрыл мне глаза ладонью.

Все воспоминания... Я научилась закрывать мысли от отца лет в десять. А где мысли — там и воспоминания. Более

того, со временем я научилась и создавать подложные картинки в своей голове — отец с радостью и удовольствием их проглатывал, не понимая, что видит неправду.

Сейчас врать до такой степени было не нужно. Хотя я, само собой, не показала королю момент с предложением Себастьяна вместе полетать — ещё чего! А вдруг принц и не собирается придумывать причину отвертеться? Нет уж, я не могу так рисковать. Если к подобной идее подключится отец, беды не миновать.

Так что я изрядно сократила наш с принцем диалог по пути в его комнату, зато во всех подробностях показала момент с поцелуем — да так, что Ортрун отлип от меня, шипя и потряхивая будто бы обожжённой рукой.

— Ух, ух! — отдувался он, покраснев, и погладил второй ладонью свою рыжую бороду. — Да, горячо... Иногда удивляюсь, насколько легко тебя читать и какими яркими бывают картинки. Родная кровь, видимо, влияет. Молодец, крошка, — отец, видимо всё ещё находившийся под впечатлением от увиденного, просто погладил меня по плечу. — А теперь отдохни. Через пару часов придёт Симия и остальные девочки, начнут готовить тебя к ужину. Платье будет другое, но тоже особенное. И филиции... Не осталось их, как я вижу. Принц всё повыдёргивал. — Ортрун хохотнул. — Ладно, обойдёмся и без них. Заодно посмотрим, как он на тебя без дурмана реагирует. Если слабее — завтра опять с цветочками будешь ходить. Но я бы предпочёл без них, потому что ими даже ме-

ня цепляет, а Кайд вообще разумом поехал. Предложил мне сразу после обеда отдать тебя ему в жёны, представляешь? — запрокинув голову, отец загоготал. — Ненормальный! А может... — Он, прищурившись, вновь посмотрел на меня. — Ты хочешь замуж за Кайда? Говори!

Краткий ментальный приказ — будто сильнейший удар током. Вздрогнешь — маг поймёт, что ты пытаешься сопротивляться. Не вздрогнешь — не поймёт.

Не дрожать мне давалось с большим трудом — отец не жалел силы на свои приказы. Но непокорности во мне всегда было больше.

— Не хочу. Я хочу замуж за Себастьяна, — заявила я, улыбнувшись улыбкой блаженной дуры. — И его самого хочу. И ребёнка от него...

— Я понял, понял, — остановил меня отец, сразу расслабившись, и фыркнул. — Что-то я палку перегнул, нашёл, о чём тебя спрашивать... Какой-то первый советник, тьфу. Ты у меня королевой будешь!

Ортрун, торжествующе вскинув кулак к небу и с гордостью посмотрев на меня, наконец вышел из моей спальни.

А я, рухнув обратно на постель, прошипела себе под нос: — Королевой... Ну-ну, мечтай...

В течение следующих двадцати минут я умудрилась задремать. Такое со мной постоянно случалось — в моей жизни было слишком много ментальной магии, из-за почти

круглосуточного сопротивления я уплывала в сон легко и быстро. Спала всегда долго и с удовольствием — и, скорее всего, проспала бы до явления Сими, но мне вновь не дали расслабиться.

Обычно Гейр приходил вечером, перед сном. Такая традиция у него появилась лет пять назад — с тех пор, как я из маленькой девочки и ребёнка стала превращаться в девушку. Отец, узнав, что Гейр ходит ко мне, первый и последний раз тогда поставил брату два ментальных запрета — и теперь тот не мог причинить мне вред, а ещё иметь со мной любой физический контакт, даже обычные поцелуи в щёку были под запретом. И это, пожалуй, единственное, за что я могла сказать королю Ортруну большое спасибо — иначе, боюсь, подобные визиты для меня закончились бы очень плохо.

Впрочем, они и так не слишком хорошо заканчивались. Но Гейру тем не менее приходилось держать себя в рамках.

Я ненавидела брата гораздо сильнее, чем отца. И, если честно, мечтала убить Гейра перед собственным побегом. Но это слишком рискованно — чем незаметнее я скроюсь, тем лучше. Впрочем, Гейру я всё равно отомщу.

— Встань! — рявкнул брат, вклиниваясь в мой сон сильнейшим ментальным приказом, из-за которого я подскочила на кровати и едва не зашипела, осознав, кто именно ко мне явился. Блокировать повиновение я не успела — Впрочем, и не надо было, поскольку не встать я всё равно не могла.

Я поднялась и, оправив сбившееся платье, ругаясь про

себя, что зря его не передела, уставилась пустым и тупым взглядом на стену поверх головы Гейра. Его всегда особенно раздражало, когда я так смотрела — потому что обычно это значило, что ментальный маг переборщил с силой, а кому приятно признавать свои ошибки?

— Разоделась, — бормотал брат, обходя меня по полукругу — по кругу мешала кровать — и сверля откровенно раздражённым взглядом. — Корону Эрдерию ей... Какая из тебя королева, ничтожество?

Подойдя почти вплотную, Гейр отработанным жестом схватил меня за волосы. Перекрутил их, будто канат, намотав себе на руку, и потянул, заставив меня запрокинуть голову почти до боли. Всегда — почти, поскольку делать мне больно ему не позволял ментальный запрет. Так же, как и прикасаться Гейр мог только к волосам, но не к телу. Он был не способен даже взять меня за руку, не говоря уже о большем.

Наклонившись к моей выгнутой шее, Гейр шумно втянул носом воздух и блаженно зажмурился.

— Хорошо пахнешь, Кора... — Ненавижу это сокращение. Так меня называет только брат. — Нет, я не отдам тебя Себастьяну, пусть отец и не мечтает. Ты моя, я всегда это знал. Я даже говорил это отцу, но он дал мне оплеуху тогда. Оплеуху! Мне!

В голосе Гейра звучало искреннее возмущение, а я не понимала, что его удивляет. Все драконы знают — между кров-

ными родственниками не может быть притяжения, драконий инстинкт в нашем случае работает совсем иначе. Но у Гейра, судя по всему, были какие-то отклонения. Предполагаю, что не связанные с инстинктом, а просто мозговые.

Остальные девушки доставались ему легко и просто, и только я была под запретом. Он даже не мог меня коснуться — и это сводило его с ума, заставляло мечтать о большем и таскаться ко мне в комнату каждый вечер. Если бы отец не любил Гейра, думаю, он бы давно прекратил это — но увы, нашему королю было плевать на меня. Главное, чтобы Гейр свою игрушку не бил и не насиловал, а остальное... Пусть развлекается.

Я знала ещё один секрет, но брат, спасибо Пламени, о нём не догадывался. Он не мог касаться меня, а вот я его — могла. И если бы Гейр приказал мне... да что угодно, уж не знаю, что бы я стала делать. Но он не подозревал об этой особенности запрета отца. Хотя, возможно, дело вовсе не в запрете, а в специфике моего дара.

— Скоро всё изменится, Кора, — шептал брат, наклоняясь ещё ниже. Кажется, он рассматривал мою грудь, но я об этом могла лишь подозревать — шея по-прежнему была изогнута и всё, что я видела, — это потолок собственной спальни. — Меня многие поддерживают... Большинство советников отца недовольны его действиями по отношению к Эрде-рии, они опасаются войны. Дело ведь не только в Себастьяне, он всего лишь наследник. Пока единственный, но король

Кариот и королева Мелисанда могут родить и ещё... Да и у Рейгарда, поговаривают, будет ребёнок-дракон. И всех надо уничтожить, чтобы добраться до эрдерийского трона. Утопия, основанная на непомерных амбициях моего отца...

Почему же только твоего? Нашего. Впрочем, Гейр совсем не воспринимал меня сестрой. В отличие от меня — я-то чувствовала его как брата. Брата по отцу — матери у нас были разные.

И несмотря на то, что я терпеть не могла Гейра, сейчас я была склонна согласиться с его утверждениями. Попытка захватить трон Эрдерии весьма утопична. До сих пор отцу сопутствовала удача, но, вполне возможно, везение скоро закончится.

Если мне удастся сбежать, в тот же день и закончится.

— Не знаю, зачем я тебе всё это говорю, — хрипло рассмеялся Гейр, жарко дыша мне в грудь. Подозреваю, что после его ухода там будет влажное пятно. — Ты ведь ничего не понимаешь. Даже если бы не была зачарована, ты непроходимая блаженная дура, Кора.

О нет, Гейр — это ты непроходимый и блаженный.

Недооценивать противника всегда смертельно опасно, но ты же всегда не любил читать умные книжки, в отличие от меня.

— Видимо, мне просто хочется поделиться с тобой. Я ревновал тебя сегодня к Себастьяну. Не спи с ним! — рывкнул Гейр, вновь хлестнув меня ментальным приказом. — Я хочу

взять тебя первым.

Мне стоило больших усилий не допустить в голос ни капли ехидства.

— Но как же так, Гейр? — пролепетала я и даже всхлинула для эффекта. — Отец приказал...

Брат зарычал, приподнялся — и навис надо мной грозной скалой. Комплекцией он пошёл в Ортруна, поэтому выглядело это и правда угрожающе. Хрупкая девушка с запрокинутой, оттянутой назад за волосы головой и крупный светловолосый мужчина, мускулистый и широкоплечий, с полными ярости голубыми глазами — того и гляди разорвёт.

— Не спи с ним, — прошипел Гейр, пытаюсь пересилить ментальный приказ короля. Я чувствовала, что он бухнул в собственный всю возможную силу — эдак он сейчас сам в обморок грохнется. Кто же так расходует магию? Полнейшее безумие!

Впрочем, Гейр сумасшедшим и был.

— Я приказываю, — цедил брат, глядя мне в глаза с упрямством барана. — Приказываю тебе, Кора. Очаровывай Себастьяна, но не спи с ним!

Я смотрела на Гейра, не моргая, словно зачарованная, пропуская его силу сквозь себя. Это был лучший способ игнорировать приказы — не сопротивляться им, а пропускать. Чем сильнее сопротивление — тем выше вероятность, что магия тебя всё-таки поработит. Я всегда расслаблялась, и сила во мне расслаблялась тоже... а потом просто растворя-

лась, становясь частью меня и забывая о том, что должна требовать.

И чем больше приказов давали мне Гейр и Ортрун, тем сильнее как маг я становилась.

— Я не могу, — вздохнула я, беззащитно улыбнувшись брату. — Отец приказал.

Гейр взревел раненым драконом, а затем, побледнев до зеленцы, отпустил мои волосы, закатил глаза и упал в обморок, кулем свалившись у моих ног.

Я покосилась на брата с неприязнью, от души пнула его в бок, а после легла обратно в кровать, решив не сообщать о случившемся слугам. Симия придёт примерно через час, найдёт Гейра и скажет отцу. Пусть все думают: я была настолько одурманена, что рухнула в постель без чувств.

А с Гейром король разберётся и без меня. Я лучше посплю. Иначе во время ужина могу и уснуть, упав носом в тарелку. Раньше такого не случалось, но раньше на меня и не влияли в таком количестве. А тут и отец, и Гейр, и всем что-то надо...

Сквозь сон я слышала, как в мою спальню явилась Симия — и, заохав, пыталась привести Гейра в чувство, но у неё это ожидаемо не получилось. Тогда она позвала гвардейцев, а те уже вызвали отца, и тот при помощи ментальной магии всё-таки поднял своего сына и вывел его прочь, приказав Симию:

— Корнелия чтобы была готова к ужину через два часа!

Платье нужно, цветы — нет.

— Может, не филии, а...

— Любые другие цветы — пожалуйста, втыкайте, — отмахнулся от вопроса камеристки отец. Сразу как он ушёл, меня нещадно разбудили и погнали в ванную — умыться.

Затем последовали процедуры, напоминающие утренние, — мне высушили голову, помазали кожу кремом, чтобы усилить эффект сияния, одели... Платье было не менее открытым, чем утреннее, — тоже голая спина и низкое декольте, — но, в отличие от утреннего, где вокруг шеи всё-таки обвивалась тонкая бретелька, здесь никаких бретелек не имелось, и из-за этого возникало ощущение, будто я вот-вот потеряю наряд при ходьбе. Я понимала, что не потеряю, так как к коже платье крепилось специальными портновскими чарами, — но всё равно чувствовала себя не в своей тарелке. Постоянно появлялось желание взяться за лиф и подтянуть его повыше. Хотя не только из-за отсутствия бретелек — вырез заканчивался безумно низко, ещё буквально на сантиметр ниже — и стали бы видны соски.

Кроме того, платье было бордовым, что прямо-таки намекало на чувственность. Хотя какие уж тут намёки — платье буквально кричало: снимите его поскорее! Юбка, кстати, тоже была с разрезами, но не с двумя, как в утреннем наряде, а со множеством разрезов — она состояла из маленьких кусочков ткани, сшитых друг с другом ближе к талии, и казалась очень объёмной и закрытой — пока я не начинала ходить.

Ноги выглядывали то тут, то там... Причём до самой попы.

А какое на меня нацепили бельё! Я такого в жизни не видела и, надеюсь, больше не увижу. Алое, всё кружевное, само собой — но утром трусики тоже были кружевными, и не в кружевах дело, а...

— Это чтобы его высочество, если что, мог просто задрать юбку, — захихикала Симия, видимо уловив выражение моего лица, которое я старательно пыталась спрятать. — Не волнуйтесь, принцесса... Обычное дело.

Обычное дело? Между ног вместо ткани была дырка. А ведь этот наряд разрабатывала моя мачеха... Она, получается, тоже такое носит?..

Меня резко затошнило, и я решила, что подумаю об этом потом. А лучше вообще не буду думать. Подумаешь — трусы с дыркой! За то время, что я живу в Логове драконов Арнарии, чего я только ни повидала. И отец, и Гейр были очень изобретательны. Особенно Гейр.

И тем не менее — трусов с дыркой я раньше не видела...
— Вот! — возвестила Симия, заканчивая причёску. — Смотрите, ваше высочество. Мне кажется, сейчас вы ещё красивее, чем утром!

Я посмотрела в зеркало и радостно улыбнулась, изображая энтузиазм, которого совсем не чувствовала. Я выглядела очень взросло, и очень порочно. Особенно тёмно-алая помада на губах...

Хорошо хоть без филиций обошлись, и в моих волосах

красовались обычные мелкие розы. Красные, в цвет платья.

— Утром вы были феей, — продолжала восхищаться Симия. — А сейчас стали земной женщиной, которую не страшно коснуться.

— Завтра наряды будут такими же? — не выдержала и всё-таки поинтересовалась я.

— Ну что вы! — искренне возмутилась камеристка. — Совершенно другими. Но завтра будет завтра. А сейчас пойдёмте скорее! Его величество распорядился подавать ужин в малой столовой.

Неужели? А я-то думала: мы так и будем есть в приёмном зале, чтобы восхитить Себастьяна широтой и размахом души арнарийцев. Но, видимо, отцу всё-таки надоело ходить на первый этаж — малая столовая находится гораздо ближе, недалеко от королевских покоев, — и король решил временно забыть про помпезность.

Впрочем, для меня это не слишком важно. На покой я точно могу не рассчитывать.

Глава четвёртая. Рюдзин

Себастьян

План с провокацией зануда Дарел ожидаемо не одобрил, и в отместку Себастьян заявил, что друг обязан сопровождать его на ужине. В конце концов, Ортрун трапезничает в компании первого советника — так чем его гость хуже? Себастьян вообще по наущению родителей должен везде с охраной ходить, но пренебрегает этим. А всё почему? Как наверняка сказал бы аль Кастилио — чересчур самоуверен.

Ужин король Ортрун решил проводить в другом месте, и Себастьян, осознав, что сопровождающий слуга ведёт их с Дарелом к обычной столовой на королевском этаже, а вовсе не вниз, к приёмному залу, обрадовался. Подобные залы хороши именно для приёмов со множеством гостей-драконов. Какое удовольствие сидеть за огромным длинным столом? Выглядит это странно и пугающе, но было у Себастьяна подозрение, что Ортрун просто любит размах и простор, даже если они беспричинные.

В столовой оказались только король, королева и Кайд аль Ламио, а наследного принца и принцессы Корнелии ещё не было — но первого, как выяснилось, и не будет.

— Гейр отбыл по делам, — сказал Ортрун, познакомившись с Дарелом и благосклонно приняв его почтительный

поклон. — Сегодня ужинаем без него.

Вид у короля при этом был крайне недовольный, и Себастьян немедленно заподозрил, что дело нечисто — с чего вдруг принцу срываться по каким-либо делам? До завтра не подождут эти дела, которые вполне можно поручить кому угодно другому, вон хоть Кайду? Нет, точно что-то случилось, и Гейр по какой-то причине то ли не может спуститься, то ли наказан собственным отцом. Впрочем, есть и ещё одно объяснение — пока Себастьян и его безопасник тут ужинают, арнарийский принц там готовит какую-нибудь провокацию. Что ж, если это так — вскоре всё выяснится.

— А вот и Корнелия, — расплылся в улыбке король, сразу же став радостно-благодарным. С явным удовлетворением оглядел дочь и, погладив бороду, крикнул: — Хороша дочка!

Себастьян в целом был согласен с Ортруном, хотя слово «хороша» всё-таки не слишком подходило Лии, которая и в этом, и в прошлом образе казалась ожившей феей из сказок — чересчур уж красива и идеальна. Если не считать выражения лица — сейчас оно было максимально безоблачным. Про таких людей обычно говорят — юродивые.

Себастьян невольно посмотрел на Дарела — стало интересно, как отреагирует на появление принцессы его друг, — и чуть слышно хмыкнул, заметив, как аль Кастилио приоткрыл рот и слегка вытаращил глаза, глядя на принцессу. Создавалось впечатление, что с его губ сейчас закапает слюна.

— Дорогой Дарел, не забудь, что это моя невеста, — строго сказал ему Себастьян, и Ортрун довольно расхохотался, вновь погладив себя по бороде.

— Ага, ревнуете, Себастьян? Не ревнуйте, на Корнелию все так смотрят, особенно по первости.

— Прошу прощения, ваше высочество, — Дарел опустил взгляд, улыбнувшись, — но продолжал исподлобья поглядывать на принцессу, которая медленно шла от дверей к своему месту рядом с Себастьяном. Она тоже заметила аль Кастилио, кивнула ему, не изменившись в лице, и хрустальным голоском поинтересовалась:

— Кто это с вами, Ян?

— О! — воскликнул Ортрун обрадованно. — Ты уже называешь жениха Яном! Какой прогресс!

— Да мы и на «ты» перешли, — признался Себастьян, и ему показалось, что у короля от радости над головой сейчас радуга засияет. — Но Корнелия почему-то стесняется.

Вот оно! Вновь она прокололась.

Значит, прав Себастьян, предполагая, что «Лия» — её личное имя, тайное, неизвестное его величеству. Иначе не стала бы принцесса сейчас столь благодарно смотреть на жениха, явно испытывая признательность за то, что он не называл её так при Ортруне.

— А человек, который столь пристально вас изучает, — это Дарел, мой секретарь, — пояснил Себастьян. — Дарел аль Кастилио, если быть точным. И на всякий случай преду-

преждаю — я изрядно ревнив.

— Ну что вы, Ян, — откликнулась принцесса, глядя лишь на Себастьяна полными сияния и любви голубыми глазами, из-за чего у него внутри всё переворачивалось, — я только ваша. Навсегда.

И, коснувшись ладонью области сердца, Лия чуть наклонила голову — словно поклялась.

Лия

Уж не знаю, ревновал на самом деле Себастьян или нет, однако его секретарь — хотя я думаю, что Дарел аль Кастилио вовсе не секретарь, а какой-нибудь безопасник, — смотрел на меня больше с подозрением, чем с восхищением. Нет, восхищение тоже было, но только поначалу. Потом он изучал меня, словно подопытную мышь. Ни на секунду глаз не отрывал, так и смотрел — как я ем и пью, говорю и улыбаюсь.

Это слегка нервировало. Подобное пристальное наблюдение не сулило мне ничего хорошего. Впрочем, сегодня и неприятностей оно не сулило — отец никогда не пил за ужином, так что на столах был обычный морс. И подавали не ненавистные мне равили, а вполне обычную пастушью запеканку — тоже традиционную в Арнарии, но её как раз я любила. Особенно слой растаявшего сыра сверху. М-м-м, объедение!

Я старалась есть с максимальным удовольствием и, обли-

зывая вилку, томно смотрела на аль Кастилио, из-за чего он слегка краснел, но взгляд не отводил. Упрямый! И осторожный. Как раз такой, каким должен быть безопасник, но во все не секретарь. Хотя есть вероятность, что у Себастьяна такие все. Удивительно, как он раньше не понял, что против его семьи существует заговор, но самое главное — как позволил брату потерять крылья. Сильнейшая трагедия для любого дракона.

За ужином я по привычке мало говорила, хотя Себастьян несколько раз пытался вовлечь меня в разговор, причём явно проверяя, так как спрашивал моё мнение о таких вещах, которые я вовсе не должна была знать, поскольку меня подобному не учили. Официально, по крайней мере, не учили. Но маленькая принцесса давно научилась открывать любые двери и читала обо всём сама, а ещё много раз присутствовала на совещаниях у отца. Разумеется, тайно — никто меня не видел. Но в свои восемнадцать я понимала в государственном управлении не меньше, чем Гейр. Хотя и он не идиот в том, что касается законов и прочей теории. Сумасшедший, но не дурак.

Однако выдавать себя я, конечно же, не стала и сделала вид, будто не понимаю, о чём меня спрашивают. Какой такой налог на сверхприбыль? И разумеется, я понятия не имею, как пошлины повлияют на стоимость товаров. А уж вопросы наследования — кому больше достанется в случае скоропостижной смерти дракона — родителям, жене или детям? —

и вовсе для меня бездонное небо и бесконечная вода.

Себастьян мне не верил. Я видела по его лицу — не верил, — и оттого подозревала, что он всё-таки догадался насчёт цветов, определил их искусственность. Я попыталась сделать свои тканевые филиции максимально похожими на настоящие, но в принципе невозможно создать неживое точной копией живого. Если только использовать иллюзию... Но я не могла пользоваться магией, если был риск обнаружения. Я понятия не имела, способен отец или нет распознать мою иллюзию.

— Что ж, спасибо, — сказал принц после того, как уничтожил последний кулинарный шедевр наших поваров — лавандовый пудинг. В этом году лаванда ещё не цвела — должна была расцвести в течение ближайших двух недель, — поэтому кухня использовала прошлогодний запас сушёной лаванды. На мой вкус, пудинг из таких цветов получался не слишком вкусным, но Себастьяну, кажется, понравилось. — Всё было прекрасно, — продолжил принц и, посмотрев на меня, улыбнулся, а затем встал и протянул мне руку. — Проводите, Корнелия? Без вас я наверняка забреду в какой-нибудь запретный коридор.

— В нашем замке для вас нет запретных коридоров, — медово ответила я, подавая руку, и тоже поднялась. Поймав одобрителный взгляд короля, попрощалась и с ним, и с махехой, и с первым советником, пожелав всем спокойной ночи, а после, мгновение поколебавшись, невинным голосом

поинтересовалась: — Отец, Гейр ведь занят сегодня вечером?

По лицу короля пробежала тень. Я спросила не просто так — зная силу Ортруна, я понимала, что он мог всё-таки поднять Гейра на ноги, и тогда, не сомневаюсь, этот ненормальный ещё помучил бы меня перед сном.

— С ним всё в порядке, Корнелия, — ровным тоном ответил отец. — Но занят он теперь будет каждый вечер.

Я от радости едва не завизжала.

Вечное Пламя, неужели?! Видимо, король настолько боится срыва своих планов, что запретил Гейру приходить ко мне на время, пока здесь Себастьян. Замечательная новость, лучшая в этом году!

Понимая, что не в силах сдержать радость на все сто процентов, я выдавила на губы максимально блаженную улыбку, кивнула и направилась к выходу из столовой, цепляясь за подставленный локоть эрнерийского принца.

По сути, именно он избавил меня на оставшиеся недели от озабоченного братца, и за это я чувствовала к нему сейчас искреннюю признательность.

Себастьян

Принцесса не любит собственного брата.

Себастьян заметил это случайно — просто в момент, когда Лия интересовалась, где будет вечером Гейр, смотрел на

неё. И увидел, как в глубине её глаз ярко вспыхнула безумная радость, практически ликование.

Интересно. Даже если принцесса не любит брата — что ей до его занятости именно по вечерам? Объяснение тут могло быть только одно — она с ним виделась по вечерам, а если он занят, видаться не будет, чему несказанно рада. Но где Лия могла видаться с Гейром после ужина? В принципе, где угодно — совместные занятия танцами, историей, да хоть полёты над столицей — всё возможно. Однако Себастьян ощущал внутренним чутьём — что-то здесь не так.

Хотя почему — что-то? Всё. В этом дворце не так было абсолютно всё. И в первую очередь «не такой» была сама Лия — то ли дурочка, то ли хитрая лицемерка. Что в ней настоящее, а что — не более чем образ? Заинтересована она в браке с Себастьяном или нет?

Вот завтра и проверим.

А пока...

— Что ты будешь делать сейчас, Лия? — спросил наследник, бросив краткий взгляд на Дарела, который так и шествовал следом за ними, внимательно следя за принцессой. Точнее, за её ногами — и при мысли о том, какой замечательный вид открывается Дарелу сзади, Себастьяну становилось одновременно смешно и ревниво.

— Ничего особенного, — ответила девушка ласково. — Почитаю книгу, потом лягу спать.

— А не хочешь сыграть в шахматы?

— Я не умею.

— Я тебя научу.

Себастьян надеялся, что Лия согласится — и он заодно посмотрит, насколько она обучаема, если принцесса, конечно, не соврала насчёт шахмат, — но девушка покачала головой.

— Прости, Ян, — сказала она с сожалением. — Но я за сегодняшний день слишком устала. Если ты не передумаешь, давай завтра сыграем. Скажем, после завтрака. Боюсь, я сейчас слишком плохо соображаю, вряд ли что-то смогу запомнить.

— Хорошо, завтра, — кивнул Себастьян, поняв, что у Лии могут быть планы на сегодняшний вечер. Не факт: возможно, она говорит правду, но вероятность есть. — Кстати... Могу я попросить тебя надеть что-то более закрытое?

Кажется, Лия не ожидала услышать подобное — она резко замерла посреди коридора, а затем повернулась лицом к Себастьяну и переспросила:

— Что?

В её голосе было столько искреннего глубочайшего недоумения, что принц рассмеялся.

— Одежда. Завтра, когда тебя вновь попытаются одеть в полупрозрачные тряпочки, передай им мою просьбу. Мне, честно говоря, надоело, что на мою невесту таращатся все кому не лень, даже собственный секретарь, — и Себастьян указал пальцем назад, на Дарела. — Про Кайда аль Ламию я

молчу — советник Ортруна просто жрёт тебя глазами.

Выражение лица принцессы в эти мгновения, пока Себастьян говорил, было сложно описать словами — на нём одновременно мелькали самые разные эмоции. Удивление, шок, радость, ликование, благодарность. Последняя была сильнее всего, и в конце концов Лия, прошептав:

— Спасибо... — подалась вперёд и поцеловала Себастьяна в губы, приподнявшись на цыпочках. Но только он собирался обнять девушку и углубить поцелуй, как принцесса отскочила в сторону и покачала головой: — Нет, достаточно на сегодня.

— Жаль, — констатировал наследник, и Лия рассмеялась, слегка порозовев. — Но вообще ты права — хорошего понемножку. Веди нас с Дарелом в наши покои, мы тоже будем отдыхать. Кстати, друг мой, — Себастьян поглядел назад, где, сложив руки за спиной, стоял его безопасник, — тебе там как наблюдается за поцелуями? Днём таращился, сейчас таращишься. Хоть бы глаза, что ли, закрыл.

Лия фыркнула в ладошку, а Дарел ворчливо пробормотал: — Простите, ваше высочество. — И мстительно добавил: — Но насчёт одежды вы абсолютно правы. Сложно думать о чём-либо другом, если рядом мелькают в разрезах настолько красивые женские ноги.

— А вы идите перед этими ногами, чтобы их не видеть, — съязвила принцесса с лёгкой насмешливостью, вновь выбившись из образа блаженной простушки. — Тогда пробле-

ма решится сама собой.

— А ты, оказывается, можешь быть врединой, — пошутил над Лией Себастьян, внимательно наблюдая за девушкой — и заметил, как она сразу же изменила собственное поведение, видимо опомнившись. Лицо стало более расслабленно-наивным, исчез лукавый блеск из глаз, и принцесса пробормотала:

— Очень-очень редко...

— Со мной можешь быть врединой почаще, — Себастьян легко толкнул Лию локтем в бок. — Мне нравится. Настолько нравится, что я предлагаю все твои вечерние планы перенести ко мне в покои. Хочешь, оставайся. Почитаешь у меня книгу — в выделенных комнатах библиотека отличная, я уже оценил. А затем и спать ляжем. Уснём мы, конечно, не сразу, но это уже детали. Останешься?

Принцесса глубоко вздохнула, будто пыталась унять раздражение, а потом честно сказала, вновь выбиваясь из образа:

— Ты поразительный человек. За последние пять минут ты умудрился вызвать у меня и безмерное удивление, и искреннюю признательность, а теперь вот разозлил. Я понимаю, что днём вела себя не совсем подобающе... Но нельзя же обращаться с принцессой как с продажной девкой?

Себастьян расхохотался и покачал головой.

— А Ортрун был бы счастлив, если бы ты осталась, — сказал принц, намекая Лие на то, что она прокололась, но

девушка решительно возразила:

— Отец сказал, что я вольна делать то, что хочу, но не должна забывать о самоуважении. Имейте совесть, ваше высочество! За любой девушкой сначала надо поухаживать, а вы... вы мне даже подарков ещё не дарили!

— Ах, подарков! — восхитился Себастьян и вновь засмеялся. — Подарки, значит, тебе подавай. Ладно, будут и подарки. Но лишь когда я узнаю, что тебе по-настоящему нравится.

— Вот видишь, ты ещё даже не знаешь...

— Да понял я всё про себя, понял, — махнул рукой наследник. — Я безответственный развратник, не иначе. Но поцелуй меня ещё один раз, пожалуйста. Иначе я не усну.

Губы девушки задрожали, а затем растянулись в одной из самых милых и искренних улыбок, которые Себастьян видел у принцессы за сегодняшний день.

Лия

Смешной он всё-таки. Явно хитрющий и изворотливый, как змея, но вроде бы неплохой. По крайней мере, за сегодняшний день он не попытался применить ко мне ментальную магию, чтобы узнать правду и заставить говорить. Может, эрдерийский принц считает, что это бесполезно, но он ведь даже не пробовал.

Я-то, когда впервые услышала о помолвке, думала, что он

будет таким же, как отец и Гейр — а у тех не проходило и дня без применения фамильного дара внушения. До смерти моей матери король ещё сдерживался, но потом перестал, а Гейр брал пример с него. Хуже всего было, когда брат, поняв, что я люблю животных, начал заставлять меня их убивать. Думаю, благодаря этому я и научилась противостоять ментальной магии — мне было настолько плохо и тошно, что иначе я просто не могла. Повезло, что Гейр всегда предпочитал влиять на меня без свидетелей, поэтому никто, в том числе он сам, не знает, сколько в его голове поддельных воспоминаний о послушной мне.

Расставшись с Себастьяном, которого я всё-таки поцеловала ещё один раз, но в щёку, я поначалу отправилась в собственные покои. Мне нужно было создать впечатление, что я легла спать. Поэтому я сообщила об этом охране и попросила никого не пускать, если речь не о срочном деле, а затем закрыла дверь, переоделась в нормальную одежду, подождала минут двадцать и приступила к выполнению своего плана на сегодня.

Было почти десять, когда я открыла дверь и выскользнула в коридор, абсолютно невидимая. Гвардейцы не отреагировали, потому что я внушила им, будто дверь осталась закрытой, — и, притворив её на самом деле, я поспешила вглубь коридора к лестнице для слуг.

Несмотря на то, что отец был женат на моей матери — Клаудии аль Тимерио — больше десяти лет, он так и не узнал

её секрет. Мама, открыв мне эту тайну, заклинала никому её не рассказывать, особенно королю, — и я хранила волю единственного в мире человека, который меня по-настоящему любил.

Мама была замечательной. Память о ней — почти всё хорошее, что у меня есть, но и этого немало. Мы проводили вместе всё время до момента её смерти, она учила меня читать и писать, объясняла основы магии. Но главное, что она сделала, — это позволила мне узнать: на свете бывают и любовь, и нежность, и свобода, а не только жестокость и бесконечная выгода, стремление удовлетворить собственные интересы за чужой счёт.

И, конечно, ещё мама научила меня пользоваться своим уникальным даром. Она была внебрачной дочерью короля Невана аль Рикардио из рода чёрных драконов — а их семейным даром является невидимость, что тщательно скрывается, как и любой другой дар королевских семей. Мой отец даже не знал, кто мама на самом деле, да и не мог знать — драконом она пошла в собственную мать и была светло-лиловой. Я же родилась золотой — в Ортруна, — но имела оба королевских дара.

Сочетание ментальной магии и чар невидимости позволяло мне многое — но, разумеется, не всё. И я всегда была крайне осторожной, стараясь сделать так, чтобы эту тайну никто не узнал.

И уж тем более её не узнает Себастьян. Он вроде бы

неплохой дракон, но я слишком долго сидела взаперти и выполняла чужие прихоти. Я хочу свободы. Мне всего восемнадцать, и я ни в коем случае не желаю выходить замуж, тем более — за отпрыска королевского рода, кем бы он ни был.

И я обязательно стану свободной. Осталось совсем немного потерпеть...

Себастьян

— У меня для вас задание, — сказал наследник, явившись в комнату гвардейцев сразу после того, как Лия попрощалась с ним и Дарелом и ушла к себе. — Думаю, что для всех. В том числе для тебя, Дарел.

— Какое? — тут же подобрался безопасник, прищурившись. — Проследить за принцессой?

— Можно и так сказать. Примерно через час я превращусь в дракона и загляну в окна её покоев — вы за этот час должны выяснить, где они находятся. Думаю, это легко — Ортрун, как лицо заинтересованное в скорейшем моральном падении дочери, препятствовать не станет. И если я сообщу Дарелу, что у себя принцессы нет, вы попыдаете найти её во дворце. Нужно будет проверить все помещения по максимуму, фиксировать всё подозрительное, даже если вы уверены, что у вас галлюцинации, — говорите мне о них. Ясно?

— Да, ваше высочество, — хором ответили гвардейцы, а Дарел уточнил:

— Почему через час?

— Если она куда-то пойдёт, то наверняка не сразу. Ей как минимум надо переодеться — трепать платье ни к чему. Думаю, что часа достаточно.

— Но почему ты решил, что её высочество вообще куда-то пойдёт? — недоумевал Дарел. — И куда?

— Считай, что во мне говорит интуиция, — пояснил принц. Во многом так и было. Не объяснять же Дарелу, что раньше у принцессы был свой ручной ворон? Такие птицы живут долго, и если тот ворон до сих пор жив — она должна как-то с ним видаться. — Распределяй посты, Дарел. Выясняйте, где её окна, а затем ждите от меня сведений.

Гвардейцы узнали, где живёт принцесса, минут через десять — никаких усилий для этого не понадобилось. Один просто отправился на кухню за чаем, разговорился с поварами — и те сообщили эту информацию, даже рассказав, на какую сторону выходят окна комнат Корнелии. Пожаловались, что строго на восток и по утрам у принцессы всё залито солнцем так, что ослеплённые светом служанки несколько раз роняли подносы. Но её высочеству нравилось, переселяться она отказывалась.

Что-то в этой истории показалось Себастьяну странно знакомым, но что он так и не вспомнил. И когда прошёл час, распахнул створки собственного окна, обратился драконом и полетел туда, куда указали слуги. Принцесса жила на два этажа выше и с другой стороны Логова — окна принца вы-

ходили на город, а её — на горы и лес.

В покоях было темно. Себастьян поначалу просто парил рядом со стеклом, вглядываясь в темноту по ту сторону — но видно ничего не было. Тогда он осторожно постучал по створке когтем — грохот и скрежет получился душераздирающий — и подождал пару минут, однако вновь никто не открыл.

Уже понимая, что, скорее всего, оказался прав, наследник толкнул головой одну из створок — та со звяканьем открылась — и проник в комнату, вновь став человеком.

Его встретила абсолютная темнота и тишина. Пустая гостиная, пустая кровать в спальне — никаких следов Лии. Интриганка...

Хищно оскалившись, Себастьян послал вестник Дарелу.

Лия

Рюдзина я нашла на следующий день после маминой смерти. Маленький воронёнок с перебитым крылом лежал на балконе моей комнаты. Я положила птицу в какую-то коробку, набив её тканью, и спрятала в собственной спальне, впервые в жизни наложив невидимость не на себя, а на кого-то ещё.

На что я надеялась? Не знаю. Я была ребёнком и находилась в отчаянии из-за того, что единственный родной человек неожиданно и скоропостижно скончался. После ока-

залось, что маму убили какие-то драконы в надежде сосватать собственную дочь за моего отца, но он раскрыл заговор и всех казнил. Я присутствовала на той казни, и ещё очень долго полный отчаяния крик осуждённых снился мне в кошмарах.

Да, я ни на что не надеялась. Я просто подобрала воронёнка, принялась кормить его и лечить — как умела, при помощи магии. Искала учебники по целительству, листала их, экспериментировала... И самое удивительное — у меня получилось.

Имя Рюдзин я нашла в одной из драконьих легенд, которыми в то время зачитывалась. Она называлась «Последний змей» и рассказывала об ящере без человеческой сущности, который из-за одиночества ушёл жить в море и стал водяным духом. С тех пор он помогает тем, кто искренне попросит помощи и посмотрит в воду.

Не особенно веря в успех, на следующий день после того, как нашла воронёнка, я ходила к водопаду. Смотрела, как струи воды бьют из скалы рядом с нашим фамильным Логовом и разбиваются внизу о камни, острые, словно пики, и просила спасти маленькую птицу. Уж не знаю, совпадение или нет, но воронёнок вскоре пошёл на поправку — тогда я и дала ему имя Рюдзин.

Несмотря на то, что к моему найдёнышу вернулись крылья, он так и не улетел от меня. Продолжал жить на скале возле замка, прилетая по моему зову, с удовольствием ел из

рук и даже позволял мне смотреть его глазами. С помощью Рюдзина я порой видела и слышала то, что никак не была способна видеть и слышать даже несмотря на свою невидимость — я ведь не могла покинуть замок надолго. Зато Рюдзин — мог. Он летал за отцом, когда тот уезжал по делам, и следил за ним, а затем передавал мне всё. Так я однажды узнала о заговоре против Себастьяна — отец и ещё несколько драконов обсуждали его на охоте. За сохранность Рюдзина я не боялась: чёрный ворон во всех драконьих королевствах считается священной птицей, и напасть на него может лишь другая птица, более крупная и хищная, однако против естественных врагов у Рюдзина есть ментальный амулет, который я сделала сама. Точнее, он не только против птиц — против всех. Моего ворона попросту не замечают, даже если смотрят прямо на него.

Я старалась приходить на мост рядом с водопадом каждый день — именно здесь мы чаще всего виделись с Рюдзином. Самое безопасное место — стражи тут никогда не было по определённым причинам. И других драконов тоже — гулять там, где проводят казни, не слишком большое удовольствие. Поэтому это место и называлось Мостом Смерти — однако я называла его Мостом Свободы.

Именно здесь, стоя на краю и глядя на бесконечный поток разбивающейся об острые пики воды, я и придумала свой план побега когда-то давно. В тот раз, окрылённая собственной идеей, я едва не сиганула вниз с моста сразу — остано-

вил Рюдзин, начав хлестать меня крыльями по голове, чтобы опомнилась.

И он был прав — собственную смерть стоило подготовить получше.

Мост не освещался. Драконам не было нужно освещение — мы видели и в темноте, а обычным людям вход сюда был заказан. Да и не пошёл бы никто из них на эту узкую колею, проходящую над пропастью, с бурлящим водопадом под ногами и сбоку на скале.

Наше Логово иногда называли Замком Двух Скал — поскольку располагалось оно на вершине горы над столицей Арнарии — Арнором. Рядом находилась ещё одна гора — арнарийцы называют её Гора-Близнец, — почти такой же вышины, как и та, на которой выстроен замок. Вот из неё и вырывался водопад, уходя бурным потоком вниз, в ущелье, а через это ущелье проходит Мост Смерти — узкая каменная дорога от Логова к соседней скале. Дорога в никуда — поскольку там, на той стороне, нет ничего, кроме каменного грота, пещеры, где можно скрыться от дождя. Я иногда сидела там, когда мне было грустно, нырнув под струи воды. Сам водопад находился выше, закрывая грот, словно занавески окно, и шумел так, что внешнего мира совсем не было слышно.

Говорят, мост построил мой далёкий предок, решив, что на соседней скале должно быть продолжение замковых стен. Но в процессе передумал, а может, он изначально планиро-

вал иное — потому что назначение моста изменилось, и он стал использоваться как место для казни неугодных драконов. Упасть отсюда было невозможно благодаря специальным чарам и природным способностям крылатых ящеров, однако всё это не имело значения в случае ментального приказа правящего короля. Стоило ему приказать — и драконы прыгали вниз, неспособные к обращению, а затем разбивались об острые камни внизу ущелья.

Даже воздух здесь был другим, не таким, как в других открытых местах Логова. Влажный и более прохладный, он пах весной — мокрой землёй, зеленью и жизнью — круглогодично. Но особенно остро это ощущалось весной, когда природа постепенно расцветала — и водопад нёс с собой все запахи, а затем дарил их мне.

Мне, Корнелии аль Анарио — возможно, самой странной из существующих ныне принцесс...

Усмехнувшись собственным мыслям, я раскинула руки, сделав глубокий вдох, а затем тихонько свистнула. Я почти не слышала собственного свиста из-за шума воды, но знала — Рюдзин услышит и прилетит, где бы ни был.

Тень огромного ворона на предночном небе я заметила сразу. Она почти тут же пропала — Рюдзин спустился и летел уже на фоне скал, сливаясь с ними, как их несомненная часть. Несколько ударов сердца — и ворон сел на мою вытянутую руку, громко и приветственно каркнул мне в ухо, а затем внимательно посмотрел на меня блестящими даже в

темноте умными глазами солнечно-жёлтого цвета.

— Ты чувствуешь незнакомый запах, — улыбнулась я, погладив птицу по клюву свободной ладонью. — Сегодня приехал мой жених. Эрдерийский принц. Тот самый, которого хочет убить мой отец. Будешь сыр?

Рюдзин благосклонно склонил голову, и я полезла в карман платья. Люблю одежду с карманами — удобно прятать что-нибудь, и никаких иллюзий не нужно. Однако их не любит королевский портной и мачеха, поэтому после пошива платьев мне приходилось приделывать карманы самой.

Когда я достала кусок сыра, ворон сразу начал клевать его, а затем вновь внимательно посмотрел на меня и каркнул. Не знаю откуда, но я всегда понимала, что он хочет сказать таким образом. Возможно, так действовала моя ментальная магия? Спросить было не у кого. Думаю, да, но, скорее всего, понимать всех животных без исключения я не способна — по крайней мере, лай любимых псов Гейра оставался для меня просто лаем без всякого смысла.

Я понимала только Рюдзина.

— Он не обижал меня, — покачала я головой. — Но Себастьян, кажется, догадывается, что я способна противостоять отцу. Не знаю, чем это мне грозит, но не верю, что чем-то хорошим. Лучше, чтобы он так и не понял всё до конца. Недели через две Себастьян уедет, и тогда мы с тобой убежим. А пока... Можешь слетать в его покои? — Я направила Рюдзину мысленную картинку, чтобы он понимал, к ка-

ким окнам приближаться. — Попробуй послушать, что он обсуждает со своим другом.

Ворон согласно каркнул, слопал весь сыр и, дружелюбно клюнув меня в мочку уха, полетел на очередное задание.

Себастьян

Прежде чем убраться восвояси, Себастьян решил оглядеться. О любом человеке, и неважно, дракон он или нет, можно сказать многое, просто попав в его комнату.

Однако это, пожалуй, не относилось к Лие.

Её покои состояли из трёх комнат. Первая — гостиная, явно для приёма гостей, и использовалась она нечасто — в помещении почти не пахло Лией, да и в целом всё выглядело так, будто давно стояло нетронутым. Диваны и кресла, журнальные столики, кадки с цветами, широкое окно, небо за которым было тёмно-синим, почти ночным, несколько книжных шкафов исключительно с бульварными романами про сопливую любовь — и ничего, что рассказало бы Себастьяну о личности девушки. Единственное, что он мог бы утверждать со стопроцентной вероятностью, — книги из этих шкафов давно не доставались. Они выглядели абсолютно новыми, некоторые даже скрипели, да и служанки ленились — на корешках скопился приличный слой пыли.

Больше всего принца повеселили статуэтки в книжных шкафах. Котики, зайчики, умильные мишки из мрамора.

ра — всё это было настолько пошло и совсем не подходило той Лие, которая чудилась Себастьяну за маской дурочки. И да, на статуэтках тоже была пыль.

Соседняя комната была меньше размером — если не считать окно, которое из-за своей величины заменяло одну из стен, — но явно использовалась Лией чаще. Напоминала она кабинет или какую-то мастерскую — поскольку вдоль стен стояли несколько комодов, похожих на те, которые обычно использовались портными. Однако на рабочем столе — довольно-таки большом, стоящем напротив окна, — не было ничего, что указывало бы на то, каким именно рукоделем занималась принцесса. Ни иголки, ни нитки — пустота. То же самое касалось журнального стола и парочки кресел — если не считать графина с водой и двух стаканов, больше предметов Себастьян не обнаружил.

Но больше всего его удивило то, что он не смог открыть ни одного комода. На них совсем не ощущалась магия, однако они не открывались. Хотя, если бы принцесса закрывала свои сокровища обычным ключом, при помощи магии Себастьяну удалось бы открыть абсолютно всё. Значит, зачарованы, причём именно королевской ментальной магией династии аль Анарио — открываются мысленным приказом. Себастьян не член семьи, то есть открыть он ничего не может. Интересно, смог бы Ортрун?

В спальне, самой маленькой из комнат, тоже оказалось окно во всю стену, а в остальном ничего интересного —

кровать, застеленная пошлым розовым покрывалом с рисунком из золотых цветочков, две прикроватные тумбочки с настольными лампами — абажуры вновь были розовыми — и, конечно же, ковры. И на полу — светло-бежевый, однотонный, — и на стене — с изображением восходящего над морем солнца.

Но именно этот ковёр, традиционный для всех арнарийцев — они часто вешали ковры в изголовьях кроватей, — наконец подсказал Себастьяну, что именно зацепило его в описании быта принцессы.

Окна на восток. Теперь, когда принц ещё и увидел их размеры, он окончательно осознал очевидное.

Фамильной чертой чёрных драконов, в чьём Логове Себастьян регулярно гостил из-за хороших отношений между странами и активной торговли, были как раз огромные окна, выходящие на восток. Аль Рикардио могли находиться и в помещениях с видом на другие стороны света, но спали только там, где в окна по утрам заглядывало восходящее солнце.

Совпадение? Или в крови Лии есть маленькая частичка наследия чёрных драконов?

Сплошные загадки с этой принцессой...

Покинув комнаты Лии минут через пятнадцать после того, как обнаружил, что её там нет, Себастьян вернулся к себе и следующие полчаса с весельем ловил донесения от гвардейцев, которые не находили принцессу абсолютно ни-

где. Более того — Дарел, не выдержав неизвестности, поинтересовался у дежурных гвардейцев возле покоев принцессы, точно ли она в своей комнате, и даже добился того, что один из них заглянул внутрь, а затем бодро отрапортовал: да, принцесса Корнелия у себя в спальне и спит.

— Значит, она всё-таки владеет даром короля Ортруна, — смеялся Себастьян, когда Дарел это ему докладывал. — Вон как зачаровала собственную охрану. В спальне она, как же!

— Ну, строго говоря, с момента твоего ухода из комнат Корнелии прошло полчаса, — хмуро возразил аль Кастилио. — Она могла вернуться и успеть лечь.

Себастьян цокнул языком.

— Теоретически — могла. Но что-то мне подсказывает: её там по-прежнему нет. Впрочем, проверять я не стану.

— Почему? Даже странно, — съязвил Дарел. — Я-то думал, ты не угомонишься, пока не узнаешь, куда бегают её высочество. Может, у неё любовник есть? Конюх какой-нибудь.

— Ага, или поварёнок, — фыркнул принц. — Не знаю, какой такой любовник, но губы у принцессы невинной девы.

— Тебе виднее.

— Вот именно. Ладно, Дарел, объявляй всем отбой. Пусть идут отдыхать.

— Погоди, Ян, — покачал головой безопасник. — Пока мы бегали и искали принцессу, выяснили совсем иное, но не менее важное. Услышали, как камеристка Корнелии ругала

одну из служанок, что та умыкнула откуда-то «цветок для причёски её высочества». Знаешь, что она говорила?

— Могу догадаться, но ты лучше Расскажи.

— «Воруй любые, кроме белых», — процитировал Дарел, усмехнувшись. — Уточнила, значит. Служаночка пискнула. «Это ещё почему?» — а та ей: «Не твоего ума дело!» — и оплеуху дала.

— Оплеуху — это хорошо, — кивнул Себастьян, потеряв ладони. — Думаю, ты знаешь, что делать дальше, и без моих подсказок.

— Знаю, — вздохнул безопасник, поморщившись. Он не любил использовать наивных и глупых девчонок для получения информации, но порой приходилось. — Всё сделаем.

— Отлично. А теперь — спать.

Лия

Когда Рюдзин вернулся и показал мне всё это безобразие, я не знала, смеяться или злиться.

Каков наглец, а! Залез ко мне в комнату! И как это ему в голову пришло? Но я тоже хороша — не догадалась заранее наложить запрет на окна, как на комод, чтобы не открывались без моего позволения. Теперь пожинаю плоды собственной недалёковидности.

И радостно, и тревожно было осознавать, что по поводу заговора Себастьян, похоже, всё-таки в курсе. И не только

— он точно знал про королевский дар и подозревал, что я им владею. Сдаст отцу или нет? Скорее, всё-таки второе. Зачем ему это? Хотя... если он хочет расторгнуть помолвку, отличный мотив. Я вам — неучтённую менталистку, вы мне — расторжение обязательств.

Нет-нет, неопровержимых доказательств у Себастьяна нет, а значит, надо вернуться к знакомой модели поведения и изображать из себя глупенькую «солнечную фею» до последнего.

И служанка, которой Симия дала пощёчину... Себастьян и Дарел наверняка хотят склонить её к сотрудничеству. Мол, тебя тут обижают, а мы не будем, мы тебя наградим, а потом с собой заберём, будешь у нас работать, — только рассказывай, что видишь и слышишь про принцессу.

Такого нам не надо. А значит, что? Симия её отстранит завтра же.

Улыбнувшись, я погладила Рюдзина по голове и поцеловала в клюв, из-за чего мой ворон довольно каркнул.

— Спасибо тебе, золотой мой друг! — искренне сказала я. — Как же хорошо, что полог тишины, который так любят использовать маги, бесполезен в отношении зверей и птиц. Столько всего можно услышать! — Я засмеялась. — Им нас не победить, да, Рюдзин?

Ворон ободряюще боднул меня лбом в подбородок, словно кот, намекая на то, что цель короля Ортруна — равно как и цель Себастьяна — несравнима с моей.

Отец играет чужими жизнями, чтобы потешить своё самолюбие.

Себастьян стремится его переиграть.

А я просто хочу получить свободу. Жить как обычный человек, нормально выучиться, и больше не притворяться глупышкой, и чтобы ко мне не применяли ментальную магию.

Разве же это можно сравнивать?

Глава пятая. Пешка и ферзь

Лия

Возвращаясь в свою комнату по погружённым в полумрак коридорам замка, я думала о другой проблеме. О своей вечной проблеме по имени Гейр.

Что он там болтал, пытаясь зачаровать меня сегодня?

«Скоро всё изменится, меня многие поддерживают, большинство советников отца недовольны».

Одни намёки, но и их хватит, чтобы осознать: против отца зреет заговор. Мне в целом было плевать: пусть поубивают друг друга, Арнария от этого лишь выиграет. Однако, если Гейр и его приспешники решатся на покушение в ближайшее время, это может привести к срыву моих планов. Мне выгоднее, чтобы всё оставалось как есть.

Но как этого добиться? Гейр не называл никаких имён, не обрисовывал дальнейшие действия. «Большинство советников» — это ни о чём. К кому обращаться, чтобы понять происходящее, и что искать в памяти? Человеческая память — не открытая книга, прочитать именно то, что тебе необходимо, непросто. Одно дело, если речь идёт о кратком эпизоде, как недавно король просматривал мои воспоминания о диалоге с Себастьяном, и совсем другое — если заговор длится продолжительное время и обсуждался не единожды.

На подобное требуется не один час, откуда мне взять столько времени?

Гораздо проще воспользоваться ментальным приказом. Сказать: «Расскажи, что ты знаешь», — и наматывать на ус информацию. Но что дальше? Например, заговорщики не собираются дожидаться, когда Себастьян уедет, а намерены всё проверить в присутствии эрдерийца. Как я могу этому помешать? Допустим, я внушу Гейру, чтобы он поменял планы, но его вполне могут переубедить или вообще не послушаться. Советники отца — драконы сильные, вдруг у них на престол свои планы? Гейр как король недалеко уйдёт от Ортруна, а вот если короновать кого-то другого, сыграв свадьбу с принцессой, то есть со мной... А что, между прочим, правдоподобно. В это верится даже больше, чем в переворот с конечной коронацией самодура Гейра, у которого явные мозговые отклонения, раз драконий инстинкт в его случае работает неправильно. Вряд ли советники отца, особенно Кайд, не замечают, что Гейр ко мне неравнодушен. И вряд ли они это поддерживают.

Значит...

Я в задумчивости остановилась посреди коридора и, оглядевшись, поняла, что нахожусь на этаж ниже рабочих кабинетов. Не факт, что там кто-то есть, но вдруг? Даже если я сегодня не решу, что делать дальше, получить дополнительную информацию всё-таки следует. Можно пойти и к Гейру, но его видеть мне хотелось ещё меньше, чем любого из со-

ветников отца.

Я свернула на лестницу для слуг, избежала по каменным ступенькам — здесь, в отличие от парадных лестниц, ковров не было, да и освещение было весьма тусклым, — и вышла уже на рабочем этаже отца. Тут располагались и два его кабинета, и кабинеты советников, и общий зал для совещаний, куда я много раз приходила, чтобы послушать обсуждения.

Везде оказалось пусто, даже охраны на этаже не было — видимо, гвардейцев отпустили после завершения рабочего дня советников, — и я уже собиралась уходить, как вдруг заметила полоску света из-под закрытой двери кабинета Кайда аль Ламио.

Подойдя к двери, я толкнула створку и невидимой вошла внутрь, моментально запустив заклинание внушения — мужчины, находившиеся в помещении, сразу отвернулись, уверенные, что в комнату никто не заходил.

— Я навестил Гейра, — говорил Ниш аль Растио — советник отца по экономическим вопросам, умнейший пожилой дракон. — Король приказал ему не приближаться к принцессе и Себастьяну ближе чем на десять метров в течение ближайших двух недель.

Я зажмурилась от счастья и едва сдержала радостный вздох. Есть порой толк от папочки, есть!

— Вот и прекрасно, — кивнул Кайд. — Значит, никто особо не удивится, когда принц совершит попытку убить короля.

Ого!

Мне сегодня определённо повезло...

— Не представляю, как ты заставишь Гейра сделать нечто подобное, — задумчиво протянул аль Растио, разглядывая первого советника. — Он не идиот, сразу поймёт, что его хотят подставить.

— Прости, Наш, я не скажу, — покачал головой Кайд. — Я и так сильно рискую, посвятив в план тебя. Чем меньше людей знает — тем лучше. Остальные пусть думают, что Гейр попросту рехнулся, одержимый идеей свергнуть отца и овладеть принцессой.

— Кстати, насчёт принцессы... Как ты собираешься уговорить Себастьяна не жениться на ней? Судя по тому, как он на неё смотрит, эрдерийский принц с удовольствием использует свой шанс. Получится, что мы с тобой расчистим ему путь к трону Арнарии. Ортрун убит, Гейр — преступник, а Себастьян — жених принцессы.

— Есть у меня один план, но опять же — прости, не поделюсь, — развёл руками Кайд, захватил со стола бокал с какой-то алой жидкостью, похожей на кровь, сделал глоток и довольно прищурился. — Великолепнейшее вино. Налей себе, попробуй.

— Спасибо, предпочитаю ясную голову, — отказался аль Растио. И в этот момент я повлияла на него, заставив спросить: — Когда ты намереваешься всё это провернуть?

— Мы уже говорили на эту тему, — слегка удивлённо от-

ветил собеседнику первый советник. — Сначала — отказ Себастьяна от принцессы, и лишь затем — убийство короля. Меня тоже заденет, кстати... Для правдоподобности.

Я стояла рядом с диваном, на котором сидел аль Растио, смотрела на Кайда и пыталась понять, что он собирается делать. И нет, применять к нему свою магию, заставив прямо сейчас рассказать советнику по экономическим вопросам о своих планах, я не желала по одной простой причине.

Он сказал, что Гейр попытается убить Ортруна, точнее, убьёт его — и Кайд как-то заставит моего брата это сделать. Заставить менталиста совершить что-то против его воли может либо другой такой же сильный менталист, либо... артефакт. И то и другое станет губительным для моей тайны — если я сейчас попытаюсь повлиять на Кайда, а он почувствует это... Одно дело — ненадолго зачаровать, чтобы присутствующие не поняли, что открылась входная дверь, такое влияние — как слабое дуновение ветерка, и совсем другое — заставлять что-то рассказывать, если человек или дракон этого не желает.

Слишком рискованно. Нет, надо действовать иначе.

После того как Ниш аль Растио покинул кабинет Кайда, я некоторое время следовала за ним по коридору — и только убедившись, что советник свернул к гостевым покоям, отправилась к себе.

Аль Ламио сказал: «Сначала — отказ Себастьяна от принцессы», — и лучший способ помешать этому отказу: опове-

стить эрдерийского принца о намерениях первого советника.

Себастьян

Он уже собирался ложиться спать, даже разделся до белья и откинул одеяло, как вдруг дежурный гвардеец сообщил, что принца желает видеть один из советников короля. С Нишем аль Растио Себастьян был знаком, но очень поверхностно — виделся во время прошлого визита в Арнарию, когда Ортрун внушил принцу принять предложение о будущем браке с Лией. И непонятно, зачем бы советнику по экономическим вопросам приходить к наследнику соседней страны посреди ночи. До утра не мог подождать? Неужели что-то срочное?

Решив, что раз аль Растио явился — значит, срочное, Себастьян быстро накинул халат и вышел из спальни в гостиную, где на одном из диванов его ожидал советник — пожилой дракон с седыми волосами до плеч, бородой, усами и острым взглядом ярко-голубых глаз.

— Доброй ночи, ваше высочество, — сказал Ниш аль Растио, вставая с дивана, и поклонился. — Прошу прощения, что поздно, но дело не терпит отлагательств.

— Доброй, айто аль Растио. Не представляю, какое у вас может быть ко мне дело, — кивнул советнику Себастьян, садясь напротив. — Но готов выслушать.

— Понимаете... — протянул аль Растио, и по его лицу

пробежала странная тень. — Когда то, что происходит в моём ближайшем окружении, касается наших внутренних дел, я готов молчать. Но если затрагиваются интересы соседей... Мне не хотелось бы конфликтовать с вами.

— Интересно, — подобрался Себастьян, почувствовав что-то любопытное. — Продолжайте.

— Кайд аль Ламио собирается сделать так, чтобы вы сами отказались от принцессы, — сообщил советник. — Как именно, я не знаю, но, если вы желаете жениться на Корнелии, вам следует быть осторожным.

Себастьян задумался, откинувшись на спинку дивана. Очень хотелось немедленно вскочить и начать ходить по помещению, но он решил не шокировать аль Растио подобной реакцией.

— Принц Гейр замешан в этом?

— Нет.

Действительно интересная информация.

— Кайд аль Ламио хочет просто жениться на принцессе? — спросил Себастьян у советника, и вновь ему показалось, что по лицу собеседника проползла тень — как будто тот и сам был недоволен тем, что говорит. — Или он более амбициозен?

— Он много лет любит Корнелию, — ответил аль Растио. — Всё остальное... Есть такая вероятность.

— Но вы не знаете точно?

— Нет, — сказал советник, поколебавшись, и интуиция у

Себастьяна почти взвыла.

Что-то было не так. Во всём этом диалоге, в ночном визите советника, в том, что он не знал о дальнейших планах Кайда, при этом откуда-то вызнав про его намерения относительно принцессы.

— А откуда у вас информация о том, что Кайд аль Ламио собирается сделать так, чтобы я сам отказался от Корнелии? — уточнил Себастьян, и на этот раз аль Растио ответил без колебаний:

— Он сам рассказал.

— Зачем?

Вновь небольшая пауза.

— Просто поделился планами.

«Видимо, чтобы ты их сорвал», — мысленно хмыкнул Себастьян.

— Понимаете, Ниш... Могу я называть вас так?

— Разумеется, ваше высочество.

— Принцесса, конечно, очень красивая девушка. Не скрою, она мне нравится. Однако жениться я на ней не собираюсь. Поэтому, если Кайд аль Ламио лишит меня проблемы как-то объяснять королю Ортруну отказ от свадьбы, я буду ему только благодарен.

— О-о, — протянул советник после новой паузы. — Я не предполагал... Я думал, вы желаете...

— Не желать Корнелию невозможно — она прекрасна, как рассвет. Но жениться я собираюсь по любви, и никак

иначе. Так что поддерживаю первого советника в его намерениях бороться за любимую. Можете пожелать ему удачи от моего имени, — широко улыбнулся Себастьян.

А спустя пару минут, когда Ниш аль Растио покинул его гостиную, принц вызвал к себе Дарела.

Пришедший почти сразу безопасник, зевающий, с красными глазами, страдальчески посмотрел на принца и пробормотал:

— Чувствую, я за две ближайшие недели в Арнарии пожелаю, что вообще на свет родился.

— Не драматизируй, — хмыкнул Себастьян. — А лучше послушай, что я недавно услышал от Ниша аль Растио.

— Это советник Ортруна? Не помню, по каким вопросам.

— По экономическим. Итак...

Пока Себастьян рассказывал, Дарел, сидя на диване с мрачным выражением на сонном лице, слушал, попивая из стакана прохладную водичку для бодрости. И когда принц закончил, пробормотал:

— Похвальное рвение. Но лучше бы он сходил к Ортруну, толку было бы больше.

— Вот именно, — закивал его высочество. — И что это значит?

— Ян, я сейчас слишком плохо соображаю для мгновенных выводов.

— Ладно, тогда я сам скажу. Это значит, что к Ортруну

идти ни в коем случае нельзя! А почему?

— Почему?

— Потому что король слишком опасен. Вдруг он сразу арестует аль Ламио?

— Скорее всего, арестует. А то и казнит. За посягательство на любимую доченьку.

— Вот именно. Но арест Кайда аль Ламио по какой-то причине нежелателен, оповещать Ортруна о его планах нельзя.

— Ты с тем же успехом мог...

— Она уверена, что я не пойду к королю, — улыбнулся Себастьян, и Дарел, мгновение помолчав, с обречённостью приговорённого уточнил:

— Она? Ты подозреваешь...

— Да, я думаю, это Лия приказала советнику аль Растио явиться ко мне и рассказать о планах Кайда. Она предполагает, что к королю я не отправлюсь, поскольку не доверяю ему и догадываюсь о заговоре, значит, буду действовать самостоятельно. Хочет, чтобы я решил эту проблему.

Дарел, сделав большой глоток из стакана, поставил его на стол, вздохнул и признался:

— По-моему, ты ошибаешься. Какой смысл для Корнелии в том, чтобы не рассказывать о планах аль Ламио Ортруну? Не понимаю. Он сразу запрет Кайда, да и всё. И принцесса будет в безопасности.

— Значит, не будет. Я не понимаю до конца, в чём дело,

кроме одного: у принцессы свои соображения о том, что правильно, а что нет. И ей выгоднее передать информацию мне, нежели своему отцу.

— Какая-то заправская заговорщица, — съязвил Дарел, ухмыльнувшись. — Не удивлюсь, если всё это — план Ортруна. И информацию тебе подбросил именно он, используя своего советника как марионетку.

— Такой вариант тоже возможен. Но сейчас — спать.

— Где-то я это уже слышал, — вновь съязвил аль Кастилио, и Себастьян расхохотался.

Лия

К себе я вернулась безумно уставшей. У меня едва хватило сил на то, чтобы умыться перед сном, переодеться в ночнушку и проверить, точно ли я убрала все свидетельства своей вечерне-ночной вылазки — мне бы не хотелось утром срочно внушать всем, что никакого повседневного платья на полу или в кресле они не видели. И уснула я моментально, как забралась в постель и накрылась одеялом.

Мне ничего не снилось. Говорят, ментальным магам часто снятся сны, но я, по-видимому, какой-то неправильный ментальный маг, потому что за всю жизнь видела сон всего пару раз. Я сплю всегда крепко и глубоко, и не просыпаюсь, если меня не разбудить. Я практически уверена — если бы мне дали возможность, я бы дрыхла до обеда, а то и дольше.

Мой организм, привыкший к ментальному сопротивлению, набирался сил именно во сне, и с утра я чувствовала себя гораздо бодрее, чем вечером.

Вот и на следующий день, проснувшись, как обычно, от воркования Симии и остальных служанок, я ощутила прилив сил. И радостно заявила, покосившись на принесённое ими платье:

— Его высочество Себастьян попросил, чтобы меня больше не одевали в откровенную одежду.

Симия вытаращила глаза, быстро задышав, и её большая грудь возмущённо заколыхалась.

— Но как же так... Её величество...

— Его высочество ревнует, — добавила я нежным голоском, страдальчески вздохнула и опустила голову, стараясь выглядеть сожалеюще, хотя внутри всё ликовало и ехидно скалилось. — Мне бы не хотелось ссориться с женихом...

— Ох, да-да, конечно, — тут же закивала и запричитала Симия, цыкнув на других служанок: — Слышали? Изумрудное платье убираем. Ничего другого мы не приготовили, поэтому сейчас посмотрим, что есть у вас в гардеробе.

Гардероб у меня был битком набит — отец на наряды не скупился. Ему нравилось наряжать меня как куклу, поэтому новые платья, костюмы, плащи, пальто и даже шляпки мне шили каждый сезон.

Подходящее платье нашли быстро, и я от души мысленно поблагодарила Себастьяна ещё раз — за вчерашний день

мне надоело щеголять обнажённым телом. Пусть даже отец, а особенно мачеха будут недовольны — плевать, желание жёниха — закон. В конце концов, задача ведь не в том, чтобы соблазнить окружающих, а в том, чтобы заставить принца на мне жениться! А раз он хочет, чтобы невестушка выглядела скромнее — так тому и быть.

В результате меня облачили в милое светло-голубое платье почти без декольте и с рукавами в три четверти. Оно выглядело бы даже скромно, если бы не шикарная вышивка сверху, у выреза и ниже, эдаким треугольником ведущая к талии. Для её создания королевские портные использовали россыпь мелких драгоценных камней голубых и синих оттенков, и лиф платья выглядел словно каменный цветок, раскрывшийся у меня на груди.

Волосы мне вновь распустили и вплели в них тёмно-синие ирисы.

— Сегодня утром собрали в королевской оранжерее, — сказала Симия, причёсывая мои волосы. — Эти ирисы обычно первыми цветут. Значит, пора готовиться к празднику первоцветов. Думаю, дней через пять он и состоится. Королева вам такое платье придумала, ваше высочество! Но теперь, раз эрдерийский принц недоволен...

— Её величество столь талантлива... — мило улыбнулась я. — Не сомневаюсь: она сможет придумать нечто грандиозное, чтобы в итоге довольны были все без исключения.

— Какая же вы добрая, принцесса. — Глаза у Сими

увлажнились, и она ласково погладила меня по голове. — Дай вам Пламя счастья в этом браке. Его высочество Себастьян-то себе на уме, не то что вы...

Мне на мгновение даже стыдно стало.

В отличие от отца, Гейра и королевы, к служанкам, в том числе к главной камеристке, я не испытывала негативных чувств — они просто выполняли свою работу и чаще всего относились ко мне хорошо хотя бы потому, что я никого не обижала. Не сомневаюсь, Симия и остальные девушки желали мне добра.

Увы, для меня «добро» выглядело совсем не так, как они представляли.

— Кстати, о его высочестве, — я вновь вздохнула и опустила глаза, делая вид, что огорчена. — Он рассказал, что одна из девушек ворует мои цветы... Она сейчас здесь?

— Нет, принцесса, — удивлённо ответила Симия, немного помолчав. — Мирия не совсем ворует. Мы просто всегда готовим больше, чем понадобится. На всякий случай. И она берёт излишки.

— Это тоже нехорошо. Мне не нравится, — я покачала головой, выдавила слёзы на глаза и жалобно посмотрела на камеристку. — Можно сделать так, чтобы она меня больше не обслуживала? Увольнять не надо, но...

— Конечно, деточка! — умилилась Симия, сама прослезившись. — Ох, простите, ваше высочество. Я к вам отправляю только самых лучших и честных девочек. Да, девочки?

«Самые лучшие и честные» гордо приосанились, заулыбались и закивали, глядя на меня с преданностью комнатных собачек.

— Спасибо, Симия, — ответила я и добавила, чтобы остальным тоже было приятно: — И вам всем спасибо. Без вас я не справилась бы. Не умею я делать такие прекрасные причёски...

Служанки наперебой защебетали, уверяя меня, что я столь прекрасна, что мне вовсе не нужны никакие причёски, — и я, глядя на их одухотворённые лица, добавила капельку внушения.

Чтобы не вздумали болтать обо мне никому постороннему, особенно людям Себастьяна.

Пока шла по коридору до столовой, думала о своей вчерашней авантюре. Надо сегодня как-то извернуться, чтобы просмотреть воспоминания Ниша аль Растио и узнать, что ему сказал Себастьян, как вообще отреагировал. Я слишком плохо знала принца и почти не могла предположить, что он подумал. Вот реакцию отца на подобные вести я понимала досконально — король Ортрун не стал бы церемониться, тут же всех арестовал бы. Но я не была уверена, что мне это выгодно.

Все до единого окружавшие меня драконы желали мной воспользоваться так или иначе. Кайд, по-видимому, хотел жениться и сделать королевой — сам при этом став королём,

— Гейр мечтал просто держать рядом, как свою рабыню — не удивлюсь, если он в мыслях представляет, как я буду есть с пола у его ног. Отец с моей помощью собирался захватить трон Эрдерии.

А что надо Себастьяну? Предполагаю, что вывести короля на чистую воду и свергнуть. Не будет же он оставлять на троне дракона, который лишил его брата крыльев? Но Гейр в качестве короля Себастьяна тоже наверняка не устраивает. Значит, эрдериец должен либо подобрать наследнику замену, либо занять трон сам, женившись на мне. В целом неважно, какой вариант он выберет, в любом случае Себастьян, как и остальные, захочет меня использовать.

И никто из них не собирается спрашивать, чего хочу я сама. Никто.

Поэтому я выдала Себастьяну лишь часть плана Кайда аль Ламио — ту, которая касалась меня. Когда ты сам думаешь использовать кого-то и тут вдруг оказывается, что кто-то другой имеет не менее амбициозные планы, — это раздражает. Но Кайд не Гейр и не Ортрун, с ним его эрдерийское высочество может попробовать договориться. Пусть даже совместно проведут эту операцию по свержению нынешнего властителя и обвинению в убийстве Гейра — я не возражаю. Если они будут заняты друг другом, меньше станут обращать внимание на меня.

Потом я убегу, а все эти мечтатели о чужих тронах пусть сами разбираются.

На этот раз в столовой был Гейр, и я едва удержала кривую усмешку, увидев брата. Тот обжёг меня недовольным взглядом, буквально кипящим изнутри, и пробормотал:

— Доброе утро, Кора.

— Доброе утро, брат, — отозвалась я медовым голосом, а затем, садясь на своё место, кивнула отцу, мачехе и Кайду, которые уже были тут и смотрели на меня с разными выражениями на ненавистных физиономиях. Кайд глядел с нежностью, от которой меня тошнило, мачеха и отец — шокированно. Как будто я не неожиданное платье надела, а выплеснула им в лица суп с равилями.

— Почему ты так одета, Корнелия? — строго спросил король. — Амелия с утра расписывала мне, что на сегодня тебе приготовили какую-то «изумрудную красоту». Где она?

Ответить я не успела — в столовую с широкой улыбкой на тонких губах вошёл Себастьян в сопровождении Дарела.

— Это я виноват, ваше величество, — покаянным тоном сказал принц. — Так приревновал вчера Лию к собственному секретарю, что попросил больше не одевать её в сильно открытые платья. Надеюсь, вы простите меня за подобную слабость.

Пару мгновений в столовой стояла тишина, а затем Ортрун громко расхохотался, ударив кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнули тарелки и приборы.

— Аха-ха! — ржал он, запрокинув голову, и его свет-

ло-рыжая борода тряслась и ходила ходуном. — Спрятать, значит, решили мою малышку от чужих глаз, да? Понимаю, понимаю... Сам всю жизнь её прячу! Не зря, кстати, беспокоитесь — а то Кайд после вчерашнего обеда попросил у меня руки Корнелии! Представляете, Себастьян? Аха-ха!

Я продолжала глупо моргать и улыбаться, будто блаженная дурочка, пока первый советник оправдывался не слишком довольным голосом:

— Я никогда не скрывал, что люблю вашу дочь, ваше величество.

— Да кто её не любит? — парировал король, фыркнув. — У последнего конюха спроси — и узнаешь, что тот тайно влюблён в принцессу. Я только на прошлой неделе уволил одного лакея, который у себя в комнате складывал в коробочку статьи с изображениями Корнелии. Не нужны нам во дворце психи всякие! Да, девочка моя?

Удивительно, но на этот раз Ортрун не подкрепил свой вопрос внушением.

— Да, папочка, — ответила я, по-прежнему мягко и нежно улыбаясь, и краем глаза заметила, как Дарел чуть поморщился — видимо, его возмущала подобная покладистость.

— Прошу к столу, Себастьян, — сказал король, довольно кивнув после моих слов. — Будем завтракать. Повара приготовили нам на завтрак яйца по-арнарийски. Пробовали когда-нибудь?

— Честно говоря, не помню.

— Значит, сейчас попробуйте!

Себастьян

Сегодня принцесса выглядела ещё более блаженной, чем накануне, и Себастьян, вполуха слушая объяснение короля, как готовят пресловутые яйца по-арнарийски — немного варят, чтобы схватились, осторожно чистят, обмазывают фаршем, а затем доваривают, но так, чтобы желток внутри остался жидким и при этом фарш приготовился, — мысленно рассуждал о том, с чем это может быть связано.

Лию радует более закрытая одежда? Что ж, это безусловно. Но, скорее всего, есть что-то ещё. Например — тот факт, что она нашла способ передать Себастьяну информацию о планах Кайда аль Ламио.

И всё-таки принц не сомневался — Ортрун здесь ни при чём, принцесса действовала по собственному почину. И если он поймёт, отчего она не пошла к отцу, то, возможно, подобное станет разгадкой к тайне личности этой странной девушки.

Гейр, в противовес сестре, выглядел подавленным и во время завтрака почти не разговаривал, а если и отвечал на какие-то вопросы Ортруна, то смотрел на короля с обидой. Он явно был недоволен происходящим, и в его поведении тоже стоило бы разобраться.

Кайда аль Ламио, кажется, совсем не смутил тот факт,

что король рассказал о его попытке посвататься к Корнелии, — и это тоже было любопытно. Себастьян связывал подобную уверенность, граничащую с самоуверенностью, с планами первого советника — видимо, аль Ламио собирается превратить их в жизнь в самое ближайшее время.

Заставить Себастьяна отказаться от принцессы можно было только одним способом — тем самым, который собирался использовать и король Ортрун. Драконий инстинкт. Если бы Лия отправилась в полёт с другим драконом и забеременела от него, ни о какой свадьбе с эрдерийским принцем не могло бы быть и речи. Скорее всего, в этом даже был тайный страх короля — не зря он так оберегал свою дочь и не давал ей выбираться из дворца. Принцесса Корнелия была единственной принцессой, ни разу в жизни не выбиравшейся в гости к соседям — она безвылазно сидела в своём Логове. Газетчики других королевств даже едко называли её «арнарийским сокровищем».

Теперь, когда Себастьян узнал Лию чуть ближе, он думал, что она и вправду может быть сокровищем. Король Ортрун однажды пробил даже его ментальную защиту, а уж Лия, живя рядом со своим отцом всю жизнь, давно должна была потерять себя. Но, кажется, всё-таки не потеряла.

— Корнелия, — обратился к принцессе Себастьян, как только завтрак завершился, — вы помните нашу вчерашнюю договорённость насчёт партии в шахматы?

— Конечно, — кивнула девушка, и тут в диалог вмешался

Гейр.

— Зря вы это затеяли, Себастьян, — весьма ядовито произнёс он, — моя сестра абсолютно необучаема. Пение, рукоделие — это она схватывает на лету, но всё, где надо хотя бы немного думать, — не её. Только время потеряете. Погуляйте с ней лучше по зимней оранжерее, сходите в картинную галерею, попросите её спеть или сплясать...

— Я разберусь, — отрезал Себастьян, испытывая почти ненависть к толстомордому арнарийскому принцу. Гейр действительно был щекаст — обладая довольно-таки крупным телосложением, он смотрелся как разъевшийся дракон благодаря круглому лицу и мелким глазкам.

— Ну, как хотите, — пожал плечами Гейр. — Моё дело предупредить.

— Не желаете присоединиться к нам, советник? — обратился к Кайду Себастьян, даже не надеясь, что ему повезёт и аль Ламио согласится, но тот неожиданно не стал отказывать:

— С радостью, ваше высочество. Если его величество разрешит, разумеется.

— Сегодня можете развлекаться, — махнул большой ладонью Ортрун, хмыкнув. — У меня нет настроения заниматься государственными делами. Будем с Амелией планировать празднование, хотим что-то грандиозное. Так что ты свободен на сегодня, Кайд.

— Благодарю, ваше величество, — ответил советник,

СКЛОНИВ ГОЛОВУ.

Лия

Тот факт, что Себастьян позвал поиграть в шахматы ещё и первого советника, ясно показал мне, что информация до принца дошла. Значит, эрдериец исповедует принцип: «Держи друзей близко, а врагов ещё ближе», раз вместо того, чтобы следить за Кайдом на расстоянии, решил поиграть с ним, что увеличило мою тревожность на несколько пунктов.

Я даже засомневалась, что поступила правильно. Кто знает, в какие игры теперь будет играть Себастьян? И я не про шахматы. Может, мне следовало промолчать? Нет, нельзя — у первого советника, судя по его высказываниям, откуда-то взялся один из древних артефактов семьи аль Анарио. Отец как-то рассказывал, что они были то ли утеряны, то ли уничтожены много лет назад, и он лично надеялся, что уничтожены, — потому что теми артефактами можно было зачаровать даже короля Арнарии. Сейчас-то это невозможно.

Впрочем, пока я надеялась, что у Кайда есть что-нибудь другое. Тоже артефакт, но не древний, а вполне себе современный. И пробить он может только Гейра, но не меня. Я сильнее и брата, и короля, но хорошо бы, чтобы мне не пришлось об этом заявлять раньше времени.

Сложность нынешнего положения состояла в том, что первый советник знал, как я играю в шахматы. То есть он

был уверен, что знает. И мне нужно по-прежнему строить из себя абсолютную дурочку, делая вид, что я ладью от слона не отличу. Если с Себастьяном я могла хотя бы немного расслабиться — он-то понятия не имел, на что я способна в шахматах, — то с Кайдом стоило быть предельно аккуратной.

Даже интересно — он правда в меня влюблён? Я не очень понимала, как можно любить ту Корнелию, которой я всё время притворялась. Недалёкую, безвольную девушку с пустым взглядом и глупой улыбкой. Или первый советник просто желает сесть на трон, а принцесса — так, приятный бонус? Почему-то второй вариант казался мне более вероятным.

После завтрака мы вчетвером — конечно, Дарел тоже был с нами, пристроившись за спиной Себастьяна почти невидимой тенью, — направились в комнаты принца. По пути Себастьян интересовался, как проходил прошлый праздник первоцветов, и я, уцепившись за удобную безобидную тему, с удовольствием расписывала ему проходящее торжество. Пару раз Кайд меня дополнял, но всё-таки он больше молчал, аль Кастилио же и вовсе не произнёс ни слова.

В гостиной комнате эрдерийца меня первую усадили на диван возле журнального столика, рядом сел Себастьян. Первый советник опустился напротив, а Дарел поначалу куда-то отошёл, но почти тут же вернулся, и уже с шахматами.

— Итак, — принц потёр руки, открывая доску, внутри которой лежали фигуры. — Вас учили играть, как я понял. Да,

Корнелия?

— Учили, — кивнула я и беспомощно улыбнулась. — Но успехов не достигли. Уважаемый айто аль Ламио может подтвердить.

— Да, у принцессы не очень хорошо получается, — сказал Кайд невозмутимо. — Поэтому я предлагаю сыграть первую партию нам с вами, ваше высочество. Пусть принцесса посмотрит.

— Хорошая идея, — подтвердила я, обрадовавшись. Хоть посижу спокойно! — Смотреть я люблю, а вот играть мне сложновато.

— Так и сделаем, — согласился Себастьян и начал с энтузиазмом расставлять фигуры.

Следующий час с небольшим оказался для меня по-настоящему интересным. Я сказала правду, пусть и не всю, — я люблю смотреть, как играют в шахматы. Играть самой... Я умею, но вряд ли делаю это виртуозно, поскольку мне всё время нужно притворяться. Где взять практику? Когда-то я изучила несколько книг про шахматы, однако этого мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.